

Нохрина Марина

**Защита
нематериальных благ
и личные
неимущественные
отношения**

Нохрина Марина

**Защита нематериальных
благ и личные
неимущественные отношения**

«Автор»

2026

Марина Н. Л.

Защита нематериальных благ и личные неимущественные отношения / Н. Л. Марина — «Автор», 2026

В работе на базе новейшего законодательства Российской Федерации представлены теоретические и практические аспекты гражданско-правовой защиты нематериальных благ и гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. Постулируется существование в России субъективного личного неимущественного гражданского права абсолютного типа – права личной свободы. Делается вывод, что большинство нематериальных благ охраняется правом как «законные интересы». Рассматриваются проблемы конституционно-правового и уголовно-правового опосредования указанных отношений и интересов. Опираясь на сформулированные положения, автор обосновывает ряд предложений по совершенствованию российского гражданского законодательства. Для преподавателей, студентов юридических вузов, научных работников. Книга может быть использована для изучения курсов теории права, конституционного права, гражданского права, уголовного права, гражданского процесса.

© Марина Н. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	6
Глава 1. Понятие личных неимущественных отношений	10
1. Состояние цивилистической науки в сфере исследования личных неимущественных отношений	10
2. Личные неимущественные отношения и нематериальные блага	13
3. Содержание личных неимущественных отношений	28
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нохрина Марина

Защита нематериальных благ и личные неимущественные отношения

Марина Леонидовна Нохрина

Кандидат юридических наук

Доцент кафедры нотариата юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета

fatchihina@mail.ru

m.nokhrina@spbu.ru

Защита нематериальных благ и личные неимущественные отношения

2-е издание, переработанное и дополненное ранее изданной монографии под названием:

Нохрина М. Л. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными.

С-Пб, 2004.

Введение

Рассмотрение вопросов правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, представляется актуальным и значимым для современной отечественной гражданско-правовой науки.

В настоящее время все большую остроту приобретает проблема защиты неимущественных прав и интересов личности, которые повсеместно попираются несмотря на многочисленные заявления о правовом государстве и принятии демократической Конституции. К сожалению, мало провозгласить, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Необходимо создать действенный правовой механизм для осуществления и защиты неимущественных интересов личности, предусмотренных Конституцией РФ. Именно поэтому, в настоящей работе сделана попытка раскрыть сущность гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными¹, и защиты нематериальных благ.

1 января 1995 г. за определенными исключениями была введена в действие часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации². Позднее в нее вносились изменения. В ней содержатся нормы, посвященные гражданско-правовой защите нематериальных благ (ст. ст. 2, 150, 151, 152, 152–1, 152–2 ГК РФ). Анализ указанных статей показывает, что законодатель по каким-то причинам отказался от использования традиционного термина личных неимущественных благ. И это сделано несмотря на то, что начиная с 70-х годов подавляющее большинство советских и российских цивилистов выступали за необходимость расширения гражданско-правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу личных неимущественных благ.

Разработке конструкции личных неимущественных *прав* всегда уделялось немалое внимание в юридической литературе. Этой теме посвящены работы многих советских и российских ученых. обстоятельному изучению подверглись различные виды личных неимущественных прав, их понятие, содержание, а также юридические признаки. При этом гораздо меньше внимания уделялось исследованию самих личных неимущественных отношений, взятых вне их правового регулирования. Попытки некоторых авторов выявить сущность личных неимущественных отношений и дать их понятие явно недостаточны. Учитывая современное состояние законодательства в сфере гражданско-правового регулирования этих отношений, необходимо дальнейшее исследование указанных проблем.

Как пишет Н. Д. Егоров, действительная ценность научного произведения определяется не столько количеством содержащихся в нем практических выводов, сколько обоснованностью лежащих в основе этих выводов теоретических положений. Какими бы значительными ни казались различного рода конкретные практические предложения, содержащиеся в научной работе, если они не имеют под собой надлежащего теоретического обоснования, их действительная практическая ценность нередко сводится к нулю³. Такая ситуация, по все видимости, и сложилась в сфере исследования личных неимущественных прав и отношений. В цивилистической литературе было очень много предложений по совершенствованию гражданского законодательства в сфере личных неимущественных прав. Однако, эти предложения не было реализованы в законотворческой деятельности. Именно поэтому главной целью работы является

¹ Далее для обозначения личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, будет употребляться термин «личные неимущественные отношения».

² Далее — ГК РФ. — См.: Закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

³ Егоров Н. Д. Проблемы общего учения о праве собственности. Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1978. С.11.

исследование теоретических вопросов гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений с тем, чтобы найти причину возникновения этой ситуации.

С этой целью были поставлены следующие конкретные задачи: исследование личных неимущественных отношений в том виде, в каком они существуют *до их правового регулирования*, включая нематериальные блага как объекты личных неимущественных отношений; исследование природы личных неимущественных интересов; выявление особенностей личных неимущественных отношений и личных неимущественных интересов, предопределяющих специфику их правовой формы.

В цивилистической литературе личные неимущественные права чаще всего определяются как права абсолютные, которым корреспондируют обязанности всех окружающих управомоченного лиц. В связи с этим еще одной целью работы было установить точный перечень абсолютных личных неимущественных прав, поскольку все предлагаемые в доктрине перечни не всегда воспринимаются действующим законодательством.

С вступлением в силу части 1 ГК РФ в гражданском законодательстве РФ определен круг благ, посягательство на которые влечет денежную компенсацию морального вреда. С указанного момента с новой силой встал вопрос о понятии нематериальных благ и сущности отношений, складывающихся по поводу этих благ, поскольку их нарушение теперь влечет существенные имущественные потери. Можно сказать, что появление в нашем законодательстве понятия нематериальных благ и было вызвано тем, что необходимо было установить случаи, когда компенсируется моральный вред. При причинении имущественного вреда такой вред возмещается в любом случае, независимо от того, на какие блага было совершено посягательство — материальные или нематериальные. Так, например, вред будет возмещаться и при повреждении машины (материальное благо), и при незаконном лишении свободы и, как следствие, потери заработка за время нахождения в тюрьме. Для такого возмещения достаточно закрепления в законе общего запрета причинения вреда. При компенсации морального вреда практика пошла по пути ограниченного применения такой компенсации и уже недостаточно общего запрета на причинение морального вреда. Необходимо указать, в каких конкретно случаях указанный вред компенсируется. Именно поэтому в законе и появилось понятие нематериальных благ, при посягательстве на которые возможна компенсация морального вреда. Следует согласиться с К. И. Голубевым и С. В. Нарижным в том, что правильное понимание специфики и всего многообразия нематериальных благ, которыми обладает и может обладать гражданин, является ключом к успешной реализации права на компенсацию морального вреда, причиненного посягательством на такие блага, и соответственно к их эффективной защите⁴. Ведь компенсация морального вреда — фактически основной способ защиты неимущественных благ. Именно это обстоятельство является главным для правильного понимания основного предназначения данного института и его роли в современном отечественном законодательстве⁵. Еще в 1939 г. Д. М. Генкин писал: «Если отпадает возмещение нематериального ущерба, что могла бы дать гражданско-правовая защита личных прав?»⁶ Именно поэтому огромную важность в настоящий момент приобрела проблема регулирования личных неимущественных отношений и установления круга благ, вокруг которых они складываются.

Этот вопрос никогда не имел столь большой практической значимости, как сейчас. Общеизвестно, что при определении суммы денежной компенсации, несмотря на попытки законодателя установить определенные критерии для такого определения, судом в наибольшей мере используется собственное усмотрение. При этом перечень нематериальных благ в ст. 150

⁴ Голубев К. И., Нарижный С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. С-Пб., 2000. С. 235.

⁵ Голубев К. И., Нарижный С. В. Указ. соч. С. 4, 83.

⁶ Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 38.

ГК РФ является открытым. Таким образом, в законе закреплены широчайшие возможности для получения в судебном порядке денежных средств без достаточных оснований. Представляется, что с такой порочной практикой мириться больше нельзя.

В работе было использовано такое методологическое средство, как «двустадийность» пути исследования⁷. Сущность «двустадийного» («двухэтапного») пути изучения явлений состоит в том, что исследование должно отправляться от всего многообразия явлений (выступающих на поверхности) к существу и законам, управляющим развитием данных явлений. Второй — заключает в себе движение в «обратном» направлении: от вскрытой сущности к тому конкретному многообразию явлений, «но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»⁸.

Применительно к изучению совокупности личных неимущественных прав каждый из названных двух этапов исследования предполагает следующее содержание. На первом этапе необходимо отправляться от всего многообразия конструируемых личных неимущественных прав к тем реальным общественным отношениям, которые лежат в их основе. После того, как раскрыто содержание личных неимущественных отношений, можно пуститься в «обратный» путь и идти от личных неимущественных отношений к опосредующим эти отношения личным неимущественным правам, но уже не как «к хаотическому представлению о целом, а как богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями»⁹. Указанный путь исследования и положен в основу работы. Рассматривается перечень конструируемых в законодательстве и литературе личных неимущественных прав, затем раскрываются общественные отношения, лежащие в их основе, и, наконец, делается вывод о механизме правового опосредования неимущественных интересов в этой сфере.

Выбор указанного пути исследования связан также со следующим. Традиционно та или иная позиция о какой-либо группе субъективных прав излагается *после* рассмотрения вопроса о лежащих в их основе общественных отношениях. Это связано с тем, что именно *общественные отношения* предопределяют содержание и юридические признаки любых субъективных прав. Однако такой ход исследования не всегда возможен. Его применение может иметь место только в том случае, когда рассматриваемая *совокупность* субъективных прав четко сформулирована в законодательстве в качестве таковой. Иная ситуация складывается в отношении *личных неимущественных прав*. В действующем гражданском законодательстве отсутствует их понятие и определение тех или иных прав в качестве личных неимущественных производится *исключительно в доктринальном плане*. Поэтому прежде чем определять общественные отношения, лежащие в основе личных неимущественных прав, необходимо указать, **какие же конкретно** субъективные права служат предметом рассмотрения. После того, как перечень рассматриваемых личных неимущественных прав определен, можно далее идти по *традиционному пути* — через исследование *личных неимущественных отношений* к анализу *характера* тех прав, которые опосредуют эти отношения.

В предлагаемой работе широко используется цитатный метод. Связано это с тем, что понятие личных неимущественных отношений, личных неимущественных прав, а также охраняемых законом личных неимущественных интересов в гражданском законодательстве отсутствует. Как уже указывалось, определение тех или иных общественных отношений, прав и интересов в качестве личных неимущественных производится исключительно в доктринальном плане. Именно поэтому в работе сделана попытка собрать воедино все имеющиеся на данный момент позиции относительно рассматриваемой темы и сопутствующих вопросов.

⁷ Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права. Учен. труды Свердловского юрид. инст-та. Том 6. Свердловск, 1961. С. 13–14.

⁸ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1951. С.213.

⁹ Сделанный вывод опирается на содержание двустадийного пути исследования в отношении правовых воззрений, описанное О. А. Красавчиковым (Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права. С. 14–15).

Научная значимость предлагаемого исследования состоит в том, что оно способствует дальнейшей разработке проблемы правового регулирования личных неимущественных отношений, защиты нематериальных благ и обеспечения личных неимущественных интересов, раскрывает сущность указанных отношений и интересов и тем самым помогает определить наиболее адекватный механизм их правового опосредования.

Глава 1. Понятие личных неимущественных отношений

1. Состояние цивилистической науки в сфере исследования личных неимущественных отношений

Термин «личные неимущественные отношения» сравнительно недавнего происхождения. Он появился непосредственно перед дискуссией о гражданском праве 1954–1955 г. г. и утвердился в ходе этой дискуссии. Между тем, ранее речь шла только о личных правах, а не о порождающих их реальных общественных отношениях¹⁰.

В середине 50-х годов личные неимущественные отношения начинают определяться как такие общественные отношения, в которых выражается индивидуальность личности и возможная ее морально-политическая оценка со стороны социалистического общества¹¹. Подобному определению близко понимание личных неимущественных отношений как таких общественных отношений, в которых выражены признание и оценка индивидуальных качеств лица со стороны общества¹², или как отношений, которые выражают общественную оценку личности как определенной социальной индивидуальности¹³.

Однако, данное определение личных неимущественных отношений, на наш взгляд, не может быть принято. Индивидуальность личности проявляется *абсолютно во всех общественных отношениях*. Не только субъект личных неимущественных отношений, но и субъект любых других общественных отношений, в частности, имущественных, действует как определенная индивидуальность. Как обоснованно указывал А. А. Рубанов, гражданин проявляет себя как личность и в отношениях собственности¹⁴.

По тем же причинам нельзя говорить и о том, что только личные неимущественные отношения характеризуются той или иной оценкой личности. Такая оценка присуща не только личным неимущественным, но и **любым** другим общественным отношениям, поскольку поступки человека в *любой* сфере общественных отношений оцениваются окружающими.

Традиционно определение личных неимущественных отношений только через их объекты¹⁵. Например, Н. С. Малеин считает, что к личным относятся отношения, возникающие по поводу духовных благ, лишенных экономического (имущественного) содержания¹⁶. Однако это определение представляется недостаточно полным. По поводу личных неимущественных благ могут складываться самые различные общественные отношения, из которых далеко не все следует причислять к разряду личных неимущественных. Так, по поводу такого блага, как имя ребенка, возникают общественные отношения между родителями этого ребенка и органом ЗАГС. Однако указанные общественные отношения нельзя рассматривать как личные неиму-

¹⁰ Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. Л., 1975. С.77.

¹¹ Там же.

¹² Советское гражданское право. Ч. 1. Изд. 2-е / Под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого и А. К. Юрченко. Л., 1982. С.6.

¹³ Советское гражданское право / Под ред. Я. А. Куника. М., 1973. С.7.

¹⁴ Рубанов А. А. Правовое положение граждан в отношениях личной собственности // Гражданско-правовое положение личности в СССР. М., 1975. С.66.

¹⁵ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург. 1994. С.12; Гражданское право БССР. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Чигира. Минск, 1975. С. 6–7; Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981. С. 19, 25; Советское гражданское право. Т. 1. Изд. 3-е / Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. С.13.

¹⁶ Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. С.19, 25.

ственные, поскольку в них не участвует сама личность — ребенок, которому принадлежит имя¹⁷.

В качестве определяющего предлагался признак отсутствия в личных неимущественных отношениях экономического содержания¹⁸. Между тем отсутствием экономического содержания характеризуются не только личные, но и любые другие неимущественные отношения, например, отношения, возникающие по поводу участия в выборах¹⁹.

Н. Д. Егоров пишет, что само название «личные неимущественные отношения» указывает на два их отличительных признака: неимущественное содержание и личный характер. Следовательно, оба эти признака должны найти адекватное отражение в определении понятия личного неимущественного отношения. В соответствии с этим Н. Д. Егоров определяет личные неимущественные отношения как возникающие по поводу неимущественных благ отношения, в которых осуществляется индивидуализация личности посредством выявления и оценки ее социальных качеств²⁰. Однако и эта позиция уязвима. Как правильно указала Л. О. Красавчикова, возникновение и существование тех или иных правоотношений по поводу нематериальных благ не может и не должно зависеть от ее (личности) социальных качеств²¹.

Имеет место попытка определять личные неимущественные отношения как «отношения, выражающие интересы морального характера, — индивидуализация субъекта в обществе, его индивидуальность, оценка его личности, данные о личной жизни»²². Однако определение личных неимущественных отношений через прямое перечисление интересов морального характера, опосредуемых этими отношениями, представляется недостаточно полным. Остается неясным, почему только *перечисленные* интересы морального характера опосредуются личными неимущественными отношениями. Кроме того, в связи с многозначностью понятия морали оно само нуждается в пояснении применительно к рассматриваемому случаю.

По мнению Т. В. Дробышевской, личные неимущественные отношения — это общественные отношения, возникающие по поводу неимущественных благ и обеспечивающие физическое благополучие и индивидуализацию личности, ее всестороннее совершенствование, развитие, автономию в обществе и адекватность восприятия личности обществом²³. Однако и в данном случае *перечисляются* некие цели, ради достижения которых лицо вступает в личные неимущественные отношения, и не поясняется, почему достижение именно этих целей опосредуется личными неимущественными отношениями и что эти цели связывает.

Все приведенные точки зрения имеют один недостаток: исследование личных неимущественных отношений сводится к поиску признака, позволяющего отграничить их от имущественных отношений. При этом не рассматривается вопрос о **содержании личных неимущественных отношений, которое выражается в поведении их участников**. Между тем, без такого рассмотрения невозможно сделать правильный вывод об общих признаках, присущих всем личным неимущественным отношениям.

Указанного недостатка в определенной мере удалось избежать О. В. Иванову. По его мнению, личные неимущественные отношения — это отношения, в рамках которых проис-

¹⁷ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л. 1988. С. 116–117.

¹⁸ Поссе Е. А., Фаддеева Т. А. Проблемы семейного права. Л., 1976. С.20.

¹⁹ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С.116.

²⁰ Там же. С. 115–117.

²¹ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С.32.

²² Советское гражданское право / Под ред. О. Н. Садикова. М., 1983. С.6.

²³ Дробышевская Т. В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита. Красноярск, 2001. С. 19.

ходит пользование личными неимущественными благами²⁴. Однако пользование некоторыми нематериальными благами, о которые говорит О. В. Иванов, например честью и достоинством, происходит абсолютно во всех общественных отношениях, а не только в личных неимущественных. Не существует каких-либо особых общественных отношений чести и достоинства, в которые люди вступали бы с единственной целью использовать сложившееся о них мнение. Честь, достоинство и деловая репутация формируются и проявляются в рамках любых общественных отношений, участником которых становится то или иное лицо.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время в цивилистической науке вопрос о содержании личных неимущественных отношений *надлежащим образом не решен*. Решению этого вопроса может способствовать анализ нематериальных благ как объектов личных неимущественных отношений.

²⁴ Иванов О. В. Проблемы правовой охраны личных неимущественных благ граждан в социалистическом обществе // Актуальные проблемы социалистического государственного управления. Иркутск; Варшава, 1973. С.55. Указанное определение в известной мере аналогично определениям отношений собственности, когда последние обозначаются как отношения по владению, пользованию и распоряжению материальными благами. По всей видимости, О. В. Иванов обоснованно полагает, что правомочия владения и распоряжения в силу природы нематериальных благ в данном случае неприменимы.

2. Личные неимущественные отношения и нематериальные блага

Все существующие в обществе отношения можно разделить на две группы. В одних общественных отношениях субъекты не оказывают воздействия на какие-либо *внешние для них материальные или нематериальные объекты*²⁵. В такие отношения субъекты вступают ради удовлетворения интересов, не связанных с таким воздействием. Например, это отношения, которые опосредуют передвижение человека, родственные, супружеские и родительские отношения²⁶, а также многие другие общественные отношения, которые традиционно называются *неимущественными*²⁷. На возможность существования таких отношений обращал внимание О. С. Иоффе, отмечая, что в ряде общественных отношений объекта, понимаемого в качестве внешнего для субъектов предмета, вообще может и не быть²⁸. Это обстоятельство признавали многие правоведы, в частности С. Ф. Кечекьян, Ю. К. Толстой, С. С. Алексеев, а также другие авторы²⁹. Именно оно дало основание М. М. Агаркову, С. Н. Братусю и Г. Н. Полянской, В. С. Толстому, а также Р. О. Халфиной³⁰ говорить о том, что возможно существование *безобъектных* правоотношений.

В других общественных отношениях стороны не только взаимодействуют между собой, но хотя бы одна из них обязательно оказывает активное воздействие на те или иные материальные или нематериальные предметы, выступающие в качестве объектов этих общественных отношений³¹. В качестве примера можно привести отношения собственности, отношения по выполнению работ, отношения по использованию того или иного произведения и т. п.

К аналогичным выводам пришел, в частности, Н. Г. Александров. По его мнению, внешний объект поведения людей существует лишь в имущественных отношениях; в неимущественных правоотношениях его вообще нет³².

При этом, исходя из общефилософского понимания объекта, в литературе особо подчеркивается его **внешний** характер по отношению к субъекту³³. Так, В. А. Тархов применительно к субъективным правам пишет, что вообще не может быть субъективных прав на объ-

²⁵ Здесь и в дальнейшем используется философское понимание нематериальных объектов как объектов идеальных по сравнению с материальными объектами.

²⁶ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С.219.

²⁷ См., напр.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 117–118; Тархов В. А. Гражданское право. Чебоксары, 1997. С. 41.

²⁸ Иоффе О. С. Об основных вопросах советского гражданского права // Вопросы советского права. Учен. зап. ЛГУ. Серия юридических наук. Вып. 4. 1953. № 151. С.50.

²⁹ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С.147; Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С.65; Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 329–340; Гражданское право. Т. 1 / Под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. М., 1944. С. 71–72.

³⁰ Теория государства и права. Макет. 1948. С.174; См.: Советское государство и право. 1950. № 9. С.86 (выступления С. Н. Братуся и Г. Н. Полянской); Толстой В. С. Реализация правоотношения и концепция объекта // Советское государство и право. 1974. № 1. С.125; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 212–217.

³¹ Далее указанные блага будут условно обозначаться как объекты тех или иных общественных отношений. Такая условность вызвана дискуссионностью понятия «объекта» применительно к общественному отношению, правоотношению, субъективному праву и обязанности. Для целей настоящей работы автору важно показать лишь то, что одни общественные отношения связаны с теми или иными внешними предметами материального и нематериального мира, другие — нет. Вопрос же о роли указанных предметов в общественном отношении выходит за рамки работы. О том, что объектами общественных отношений являются именно материальные и нематериальные предметы, писал, в частности, О. С. Иоффе (Иоффе О. С. Советское гражданское право. С.217).

³² Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. С. 117–118.

³³ Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С.131; Алексеев С. С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С.285.

екты, неотделимые от личности, от субъекта. Представление о таких правах противоречило бы философскому и юридическому представлению об объектах³⁴.

Связано это с тем, что то или иное поведение субъекта может быть направлено лишь на внешние для него предметы, в отношении которых он может совершать какие-либо действия в целях удовлетворения своих интересов. Те явления, в отношении которых не могут совершаться действия в целях удовлетворения интересов, не могут выступать в качестве объектов общественных отношений³⁵.

Какие же предметы материального и нематериального мира могут выступать в качестве объектов общественных отношений? В философии выделяются, в частности, следующие основные формы бытия: бытие вещей (тел), а также бытие духовного (идеального), которое делится на индивидуализированное духовное и обьективированное (внеиндивидуальное) духовное³⁶.

Индивидуализированное духовное характеризуется тем, что оно неотделимо от конкретной жизнедеятельности индивидов и выступает, в частности, в форме сознания. Такое духовное не может выступать объектом общественного отношения, поскольку оно не проявляется вовне. Индивидуализированное духовное не имеет значения и для права, поскольку, как указывал К. Маркс, «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»³⁷. Таким образом, те или иные мыслительные процессы, происходящие в сознании человека и относящиеся к его внутреннему миру, не являются объектами общественных отношений и не имеют правового значения.

В отличие от индивидуализированного духовного, внеиндивидуальное духовное существует вне индивида или, говоря иначе, обьективируется. Оно возникает в результате отделения от конкретного человека результатов деятельности его сознания и духовной деятельности вообще при помощи продуктов культуры (языка и других знаковых систем)³⁸. Такое духовное может выступать объектом общественного отношения и соответственно иметь правовое значение, поскольку оно воплощается в материальной форме, отделимой от человеческой личности³⁹. В качестве примера обьективированного духовного можно привести, в частности, различного рода произведения, изобретения, другие результаты интеллектуальной деятельности.

Таким образом, в качестве объектов тех или иных общественных отношений могут выступать либо вещи (блага в материальной форме), либо явления обьективированного духовного, которые по своей природе являются благами в нематериальной форме. Подтверждение данному выводу можно найти у Н. Г. Александрова. Он предлагал различать объект правового воздействия и внешние объекты поведения людей. К последним автор отнес *вещи и обьективированные продукты интеллектуального творчества*⁴⁰.

Объекты *личных неимущественных отношений* рассматривались в многочисленных цивилистических исследованиях задолго до появления в нашем законодательстве примерного

³⁴ Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С.384.

³⁵ Некоторые авторы впадают в противоречие, с одной стороны признавая объектами отношений внешние субъекту предметы, а с другой стороны приводят примеры объектов, которые не могут считаться таковыми. Так, С. С. Алексеев, рассматривая правоотношения пассивного и активного типа, указывает, что особенностью правоотношений пассивного типа является то, что материальные и нематериальные блага здесь всегда отделимы, обособлены от материального содержания правоотношения, от действий управомоченного. Они всегда представляют собой внешне ограниченные, в данный момент существующие явления (предметы) окружающего нас мира. При этом С. С. Алексеев называет благами как объектами правоотношений свободу слова, свободу собраний, тайну переписки и честь (Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций. Том 1. С. 329, 334–338).

³⁶ Введение в философию. Ч. 2 / Под общ. ред. И. Т. Фролова. М., 1990. С.29.

³⁷ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.1. С.14.

³⁸ Введение в философию. Ч. 2 / Под общ. ред. И. Т. Фролова. С.44.

³⁹ Там же. С. 45–46.

⁴⁰ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. С. 117–118. — К аналогичным выводам пришла и Р. О. Халфина (Халфина Р. О. Указ. соч. С. 212–216).

перечня нематериальных благ, который содержится в ст. ст. 2 и 150 ГК РФ. В литературе использовались различные термины для обозначения этих благ. Они назывались личными⁴¹, личными неимущественными⁴², личными нематериальными⁴³ и, наконец, просто нематериальными⁴⁴.

Впервые в советской литературе категория «личных благ» появилась в трудах М. М. Агаркова. В качестве личных благ он назвал жизнь, телесную неприкосновенность, здоровье, честь, достоинство, имя, авторство и определил их как блага, не отделимые от личности⁴⁵.

В дальнейшем в научной литературе предлагались различные перечни нематериальных благ, которые пополнялись в зависимости от времени написания работ. Так, в качестве нематериальных благ назывались: право на изображение, тайна переписки⁴⁶, имя, безопасность, неприкосновенность, свобода слова⁴⁷, неприкосновенность жилища, переписки, иных сфер личной жизни⁴⁸, личная неприкосновенность, сфера личной жизни⁴⁹, состояние здоровья, многообразные проявления присущей каждой личности индивидуальности, свобода выбора в установленных законом рамках по собственному усмотрению модели поведения, право на жизнь и здоровье, на имя, честь и достоинство, телесную неприкосновенность и неприкосновенность личной сферы граждан, право на свободное передвижение и свободное избрание места жительства, право на избрание рода социально полезной деятельности, неприкосновенность личной документации⁵⁰, трудоспособность⁵¹, личная предприимчивость, изобретательность и энергия⁵², телесная (физическая) целостность⁵³, национальная принадлежность, родной язык и выбор языка общения, вероисповедание⁵⁴, свобода личности, хорошая репутация, портрет и звукозапись, личная тайна, обработанные с помощью ЭВМ данные, относящиеся к личности, фамилия (псевдоним) и внешность, гражданская честь, высказывания и бумаги личного характера, видовые снимки и звуковые записи, касающиеся гражданина или его высказываний личного характера⁵⁵, благоприятное экологическое состояние личности⁵⁶, психологическое равновесие⁵⁷, внешний облик, голос, геном человека, отдых, национальный язык, свобода совести и вероисповедания, благоприятная окружающая среда⁵⁸, тело живого человека⁵⁹, физическое

⁴¹ Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловский. М., 1938. С.136.

⁴² Иванов О. В. Указ. соч. С.54.

⁴³ Страхование дело / Под ред. Л. И. Рейтмана. М., 1992. С.47.

⁴⁴ Брагинский М. И., Суханов Е. А., Ярошенко К. Б. Объекты гражданских прав // Хозяйство и право. 1995. № 5. С.18. — Далее мы будем называть эти блага нематериальными.

⁴⁵ Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловский. С.136.

⁴⁶ Иоффе О. С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С.62.

⁴⁷ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С.246.

⁴⁸ Иванов О. В. Указ. соч. С.54.

⁴⁹ Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С.12.

⁵⁰ Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М., 1990. С. 3–4, 11.

⁵¹ Страхование дело. С.47.

⁵² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 236.

⁵³ Ермолова О. Н. Нематериальные блага и их защита: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С.14.

⁵⁴ Гражданское право. Т. 1. Изд. 2-е / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. С.724.

⁵⁵ ГК ВНР, ГК ПНР, ГК ЧССР — Цит. по: Ярошенко К. Б. Указ. соч. С. 14–16.

⁵⁶ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С.98.

⁵⁷ Шиктыбаев Т. Т. Неимущественные права граждан: некоторые вопросы гражданско-правовой защиты // Объекты гражданских прав. Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2004. С. 304.

⁵⁸ Гражданское право. Под ред. А. П. Сергеева. Т. 1. М., 08. С. 412. Автор главы Т. А. Терещенко.

⁵⁹ Донцов Д. С. Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности // Медицинское право. 2011. № 2.

строение (в том числе телесная целостность), самобытность личности (автор сюда относит внешний облик, включающий черты лица и особенности телосложения)⁶⁰ и др.

В дальнейшем в зависимости от приводимых перечней нематериальных благ предпринимались попытки дать их научное определение. Так, З. П. Ромовская охарактеризовала личные неимущественные блага как блага, лишенные экономической ценности, экономического содержания⁶¹. С ней согласна Л. О. Красавчикова, по мнению которой «духовные (нематериальные) блага имеют внеэкономическую природу и обладают функциональным свойством нетоварности (не становятся товаром ни при каких условиях нормального существования и развития человеческого общества)»⁶². Высказывалась также точка зрения, что личные блага — это такие блага, которые индивидуализируют личность⁶³. Помимо неэкономического и неимущественного характера, а также неотделимости от личности, указывается на переменность содержания одного и того же блага (изменяется здоровье, окружающая среда, индивидуальный облик и многие другие блага)⁶⁴.

Т. А. Терещенко в одном из последних учебников по гражданскому праву уточняет, что к свойствам нематериальных благ относятся: *внеэкономическое содержание и идеальная природа, неразрывная связь с личностью, а также общая направленность на обеспечение существования личности*⁶⁵.

Н. А. Темникова еще более расширяет признаки нематериальных благ. В качестве таковых она рассматривает: наличие объективной потребности в них человека, поскольку они являются условием его физиологической либо социальной жизнедеятельности; неотделимость от индивида; свойство блага носить как общечеловеческий, так и индивидуальный характер; независимость существования благ от признания их государством; отсутствие денежной оценки. Поэтому нематериальные блага — не имеющие денежной оценки объективно необходимые для каждого индивида условия его существования, физиологической и социальной жизнедеятельности, удовлетворяющие человеческие потребности в нематериальной сфере, отвечающие интересам, целям и устремлениям людей⁶⁶.

По мнению Т. В. Трофимовой, к признакам нематериальных благ относятся следующие: 1) для возникновения прав на нематериальные блага не требуется возникновения дополнительных юридических фактов, они возникают в силу определенных событий, основным из которых является факт рождения или создания, 2) гражданские права, объектом которых являются нематериальные блага, не подлежат восстановлению в случае их нарушения, 3) права на нематериальные блага неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, 4) отсутствие имущественного содержания, которое проявляется в невозможности точной оценки указанного объекта гражданских прав, 5) нематериальные блага принадлежат как правило физическим лицам,

⁶⁰ Ермолова О. Н. Нематериальные блага: сущность и признаки правовой конструкции. Цивилист 2012. № 3. С. 38.

⁶¹ Ромовская З. П. Личные неимущественные права граждан СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. С.8.

⁶² Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С.12. — Начиная с 70-х годов при определении личных благ стало традиционным акцентировать внимание на два указанных момента: отсутствие экономического содержания и неотделимость от личности (Гражданское право БССР. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Чигира. С.123; Советское гражданское право. Т. 1 / Под ред. В. П. Грибанова и С. М. Корнеева. М., 1979. С.191; Советское гражданское право. Ч. 1. Изд. 3-е / Отв. ред. В. А. Рясенцев. М., 1986. С.180).

⁶³ Советское гражданское право. Т. 1 / Отв. ред. И. Б. Новицкий и П. Е. Орловский. М., 1959. С. 13–14 (автор — В. П. Грибанов). — Позднее об этом писали Н. С. Малеин (Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. С. 19, 25); А. П. Вилейта (Вилейта А. П. Личные неимущественные правоотношения по советскому гражданскому праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Вильнюс, 1967. С. 5–6), а также Г. П. Савичев и Е. А. Суханов (Гражданское право. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1993. С. 123).

⁶⁴ Голубев К. И., Нарижный С. В. Указ. соч. С. 43.

⁶⁵ Гражданское право. Под ред. А. П. Сергеева. Т. 1. М., 08. С. 412. Автор главы Т. А. Терещенко.

⁶⁶ Темникова Н. А. О понятии «нематериального блага» в семейном праве // Вестник Омского Университета. Серия «Право». 2007. № 4. С. 84.

б) личный характер, проявляющийся в невозможности осуществления прав на них иными лицами, кроме правообладателя⁶⁷.

По мнению В. А. Белова объектами личных прав являются социальные условия проявления лицом своих индивидуальных (личностных) социально-значимых качеств (черт, способностей, стремлений)⁶⁸. Однако автор далее не пишет о перечне таких благ, а потому его позиция представляется неясной. Что понимается под этими «социальными условиями»?

Новый ГК РФ, как в первоначальной редакции, так и в редакции Закона РФ от 2 июля 2013 года № 142-ФЗ не внес должной определенности в вопрос о характере нематериальных благ. Законодатель воспринял два выдвинутых в науке критерия: неотделимость (закон говорит о «неотчуждаемости и непередаваемости рассматриваемых благ»), а также их нематериальный характер.

Как видно, законодатель отверг многие предлагаемые в литературе признаки, в частности *индивидуализация личности и переменность содержания* нематериальных благ. Сделано это по вполне понятным основаниям. Из всех перечисленных в ГК РФ нематериальных благ личность в той или иной мере индивидуализируют лишь имя, честь, достоинство и деловая репутация. Что касается других перечисленных в законе и научных трудах нематериальных благ, то они ни в коей мере не выражают индивидуальность личности. Так, жизнь как таковая принадлежит каждому человеку и не позволяет отличить одного человека от другого. Переменность же содержания нематериальных благ, по всей видимости, не имеет правового значения при их охране и защите.

Что касается таких признаков нематериальных благ, как *общая направленность на обеспечение существования личности, наличие объективной потребности в них человека, а также независимость существования благ от признания их государством*, то данные признаки присущи и материальным благам. Например, еда, одежда, жилище и т. п. как материальные блага также обеспечивают существование личности, удовлетворяют соответствующие потребности человека и имеют место независимо от признания их государством.

Далее не воспринят законодателем и такой признак нематериальных благ, предложенный Н. А. Темниковой, как свойство блага носить как общечеловеческий, так и индивидуальный характер. Для этого имеются серьезные основания. Не может быть признаком такое свойство, которое носит двоякий, а не общий характер. Как следует из позиции Н. А. Темниковой, одни нематериальные блага носят общечеловеческий характер, другие — индивидуальный. Где же тогда общий признак для всех нематериальных благ?

Что касается признаков нематериальных благ, предложенных Т. В. Трофимовой, то практически все приведенные признаки характеризуют *не блага как таковые, а права на них* («для возникновения прав на нематериальные блага не требуется возникновения дополнительных юридических фактов; гражданские права, объектом которых являются нематериальные блага, не подлежат восстановлению в случае их нарушения; права на нематериальные блага неотчуждаемы и непередаваемы иным способом; личный характер, проявляющийся в невозможности осуществления прав на них иными лицами, кроме правообладателя»). Единственный признак, касающийся самих нематериальных благ — «нематериальные блага принадлежат, как правило, физическим лицам». Однако в такой формулировке и он не может быть принят. При рассмотрении нематериальных благ должен быть найден такой признак, который присущ всем нематериальным благам, а не только «как правило».

⁶⁷ Трофимова Т. В. Классификация нематериальных благ и ее правовое значение // Гражданское право. 2005. № 3.

⁶⁸ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. Том 2. Под общей ред. В. А. Белова. 2-е изд. М. 2016. С. 165–166.

Как уже было сказано, законодатель воспринял два выдвинутых в науке критерия: *неотделимость* (закон говорит о «неотчуждаемости и непередаваемости» рассматриваемых благ), а также их *нематериальный характер*. Однако и здесь возникают вопросы.

Во-первых, в литературе отмечается, что некоторые блага все-таки отделимы от личности, например, деловая репутация, поскольку она охраняется и после смерти лица⁶⁹. Кроме того, в принципе «отделимы» все *правовые явления* — например, те или иные неприкосновенности и тайны, которые как определенные ценности появились лишь на определенной этапе человеческой цивилизации в результате принятия соответствующих правовых норм. И на сегодняшний момент в некоторых странах указанных ценностей государством не обеспечивается. Поэтому они являются отделимыми от человека.

Во-вторых, как правильно указывает М. Н. Малеина, оказался непонятным критерий нематериальности. Законодатель не разъяснил, что следует понимать под «нематериальностью»: невозможность вещественного воплощения блага, отсутствие имущественного эквивалента или невозможность оценить благо в деньгах⁷⁰.

По этому вопросу мнения в литературе разделились. Как указывает М. Н. Малеина, нематериальный характер личных неимущественных прав проявляется в том, что они лишены экономического содержания (личные неимущественные права не могут быть точно оценены, для них нехарактерна возмездность, их осуществление не сопровождается имущественным предоставлением (эквивалентом) со стороны других лиц⁷¹.

Н. Д. Егоров придерживается противоположной позиции. По его мнению, нематериальные блага — способные удовлетворять потребности человека предметы нематериального (идеального) мира, которые невозможно ощущать в силу их нематериального характера⁷². Таким образом, Н. Д. Егоров полагает, что именно идеальный, невещественный характер имел ввиду законодатель, определяя нематериальные блага.

Во-первых, позволим себе не согласиться с Н. Д. Егоровым. Как указывается в литературе, некоторые неимущественные блага могут быть и материальными (т. е. имеющими вещественное содержание, например, здоровье как целостность организма человека и окружающая среда)⁷³. Имеют материальное воплощение жизнь и здоровье, внешний облик, голос — проявляются в теле человека как материальном объекте. Главный же недостаток этой позиции состоит в том, что традиционно материя противопоставляется *идеальному или духовному*, которое является результатом *духовной деятельности человека*⁷⁴. Именно поэтому *нематериальны* произведения и изобретения, как объекты авторских и патентных прав. Все же названные в литературе и законодательстве нематериальные блага, кроме имени и псевдонима, не являются продуктом духовной деятельности и потому не могут считаться «предметами нематериального (идеального) мира», как их определяет Н. Д. Егоров. Достаточно вспомнить жизнь, здоровье и частную жизнь, о которых говорит уважаемый автор⁷⁵. Какие же это «предметы нематериального (идеального) мира»?

⁶⁹ Бакаева И. В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика. // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2012. № 4. С. 12–13. Конечно же, честь и деловая репутация как общественные оценки лица всегда неотделимы от него в том смысле, что они никогда не будут оценкой другого лица, это на все времена общественные оценки данного лица. Однако они отделимы в том смысле, что сохраняются и после его смерти.

⁷⁰ Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 102.

⁷¹ Гражданское право. Ч. 1. Отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М., 2003. С. 233. Автор главы — Малеина М. Н. Хотя автор пишет о личных неимущественных правах, можно предположить, что указанную характеристику данных прав автор распространяет и на объекты этих прав — блага.

⁷² Гражданское право. Учебник. Под. Ред. Ю. К. Толстого. Изд. 7-е. Том 1. М., 2009. С. 372.

⁷³ Голубев К. И., Нарижний С. В. Указ. соч. С. 39.

⁷⁴ Введение в философию. С. 29.

⁷⁵ Гражданское право. Учебник. Под. Ред. Ю. К. Толстого. Изд. 7-е. Том 1. М., 2009. 377.

Вернемся к другому пониманию «нематериальности», а именно отсутствию имущественного эквивалента, невозможности оценить благо в деньгах⁷⁶, «нетоварности»⁷⁷. В последнее время в юридической литературе справедливо отмечается, что имя, внешний облик, голос, а также сведения о частной жизни *уже давно стали товаром и имеют свою денежную оценку*. По мнению С. А. Слипченко, который предлагает альтернативную теорию, нематериальные объекты обладают потенциальной способностью участвовать в обороте, они делимы, могут быть оценены в деньгах и обладать такими свойствами, как товарность, а права на них могут обладать экономическим содержанием, то есть могут рассматриваться как имущественные. Например, имя имеет внешнее выражение, подлежит денежной оценке и может рассматриваться в качестве товара⁷⁸.

Как указывают В. Колосов и М. Шварц, в зарубежной литературе говорится о праве контролировать *коммерческое* использование своей индивидуальности (имени, изображения, голоса)⁷⁹. Далее авторы пишут, что право на изображение — исключительное имущественное право, которое может передаваться на основании как исключительной, так и неисключительной лицензии⁸⁰. Связано это с тем, что внешность и образ создаются самим лицом и поэтому имеют цену. Авторы далее предлагают выделять не только право на изображение, но и иные личностные права и отнести к ним права на любые индивидуализирующие лицо особенности, черты и способности (права на имя, на голос, на изображение, на образ)⁸¹.

При этом авторы против того, чтобы признавать хоть какой то *неимущественный* характер права на изображение. Как указывается в статье, неимущественные правомочия входят в состав других прав, а не в состав права на изображение. Правомочие требовать указания себя в качестве изображенного — это право на имя, правомочие на неприкосновенность изображения — это право на честь и достоинство, правомочие определять способы и пределы использования изображения — это право на личную жизнь. Поэтому выделять самостоятельное личное неимущественное право на изображение нет практической необходимости⁸².

Таким образом, можно сделать вывод, что признак отсутствия экономического содержания и невозможность стоимостной оценки не характерны для абсолютно всех нематериальных благ.

На основании изложенного, с сожалением можно сделать вывод, что единый признак в отношении всех предлагаемых в литературе нематериальных благ пока не найден. Что же указано в законе?

ГК РФ в первоначальной редакции содержал следующий перечень нематериальных благ: неотчуждаемые права и свободы человека (ст.2), жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона (ст.150).

Прежде всего вызывает возражение включение в родовое понятие «нематериальное благо» неотчуждаемых *прав и свобод человека*, а также тех или иных *личных неимущественных*

⁷⁶ Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития. С. 102.

⁷⁷ Красавчикова Л. О. Указ. Соч. С.12.

⁷⁸ Слипченко С. А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 43.

⁷⁹ Колосов В., Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 3. С. 10.

⁸⁰ Колосов В., Шварц М. Указ. Соч. С. 41.

⁸¹ Колосов В., Шварц М. Указ. Соч. С. 14. Как пишет Р. А. Стефанчук, индивидуальность состоит во внешнем виде, голосе и языке, манере поведения, общем стиле (имидже) — Стефанчук Р. А. Современное состояние и перспективы развития института личных неимущественных прав физических лиц в гражданском законодательстве Украины // Право и политика. 2006. № 2.

⁸² Колосов В., Шварц М. Указ. Соч. С. 44.

прав⁸³. Да, конечно, право представляет для его обладателя определенную ценность и в этом смысле право также является благом, причем нематериальным⁸⁴. Однако в отличие от имущественных прав, которые могут выступать объектами обязательственных отношений, сделки по уступке личных неимущественных прав невозможны. Тем более невозможны сделки по уступке «неотчуждаемых прав и свобод человека». Как правильно указывает М. Н. Малеина, такое широкое понятие нематериального блага, которое охватывает и блага как таковые, и права на них, не должно иметь места в законе⁸⁵.

В принципе, был момент, который свидетельствовал об определенном смысле указанной конструкции. В ст. 150 ГК РФ предусмотрено, что нематериальные блага граждане приобретают либо в силу рождения, либо в силу закона. «Жизнь, здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя — это те блага, которые гражданин приобретает при рождении. А вот «правами» на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и выбора места жительства и др. гражданин обладает в силу закона»⁸⁶. Таким образом, для указания на то, что приобретается в силу рождения, а что в силу закона, и использована такая конструкция. Однако, и она не была выдержана законодателем до конца. Достаточно сравнить две статьи ГК РФ: в ст. 150 первоначальной редакции ГК РФ говорилось о праве на имя, а в ст. 19 — просто об имени⁸⁷.

Указанная критика привела к тому, что Законом РФ от 2 июля 2013 года № 142-ФЗ в ст. 150 ГК РФ были внесены изменения. Теперь пункт 1 указанной статьи звучит так: «1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом». Как видно, из первоначальной редакции п. 1 ст. 150 ГК РФ убрано упоминание о «правах» как нематериальных благах.

Таким образом, не могут быть признаны нематериальными благами такие блага, как «права» — право на изображение, право на жизнь и здоровье, на имя, честь и достоинство, телесную неприкосновенность и неприкосновенность личной сферы граждан, право на свободное передвижение и свободное избрание места жительства, неприкосновенность личной документации, неотчуждаемые права и свободы человека.

⁸³ Под влиянием такой формулировки ГК РФ Т. А. Фаддеева была вынуждена ввести такие понятия, как «нематериальные блага первого уровня» и «нематериальные блага второго уровня». По ее мнению, блага первого уровня неразрывно связаны с самим существованием личности. Они объективно существуют независимо от их правовой регламентации и только в случаях посягательств на эти блага нуждаются в правовой защите. Блага второго уровня (право на имя, право авторства и иные личные неимущественные права) являются субъективными правами, образующими содержание конкретного правоотношения и тем самым уже урегулированными нормами права. В случае же нарушения этих прав они пользуются правовой защитой (Гражданское право. Часть 1 / Под ред. Ю. К. Толстого и А. П. Сергеева. С-Пб, 1996. С. 271–272).

⁸⁴ Суюмбаев Р. Ш. Право, свобода и законный интерес как нематериальные блага. // Черные дыры в российском законодательстве. 2011. № 3.

⁸⁵ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С.9.

⁸⁶ Комментарий Гражданского кодекса РФ для предпринимателей. М., 1995. С.188. М. Н. Малеина полагает, что ст. 150 ГК РФ таким образом проводит классификацию нематериальных благ в зависимости от оснований их возникновения (с рождения или в силу закона) (Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития. С.102).

⁸⁷ О праве на имя, а не об имени говорит и Верховный Суд РФ. В абзаце 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года N 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» следующим образом разграничивались нематериальные блага и личные неимущественные права. К первым относится жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п. Ко вторым относятся право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности // Российская газета. № 29. 08.02.95). То есть имя уже не благо, а связано с правом.

Могут ли другие названные в литературе и законодательстве «нематериальные блага» быть объектами соответствующих общественных отношений? Представляется, что нет. Так, не могут выступать в качестве объектов общественных отношений жизнь и здоровье человека, его внешность или внешний облик, трудоспособность, национальная принадлежность и национальный язык, вероисповедание, поскольку их невозможно отделить от субъекта этих отношений⁸⁸. Нельзя признать объектами общественных отношений и такие блага, как телесная неприкосновенность, тайна переписки, авторство, безопасность, неприкосновенность, неприкосновенность жилища, переписки, иных сфер личной жизни, личная неприкосновенность, свобода совести, свобода слова, свобода выбора в установленных законом рамках модели поведения, телесная (физическая) целостность, свобода личности, личная тайна, благоприятное экологическое состояние личности и др. *Указанные явления не выступают в овеществленной форме или форме объективированного духовного, отделенного от человека. В отношении этих благ субъекты не могут совершать какие-либо действия.*

Жизнь — это необходимая предпосылка для вступления лица в любые отношения, но не объект, по поводу которого возникают какие-то особые общественные отношения. Человек может лишиться жизни тем или иным способом. Однако в данном случае объектом его действий в рамках соответствующих общественных отношений будет не сама жизнь, а нож, пистолет, веревка и другие подобные объекты, воздействуя на которые человек лишает себя жизни. Жизнь (а точнее ее прекращение) в данном случае выступает не объектом активных действий человека, а их целью. Личная предприимчивость, изобретательность и энергия как индивидуальные качества человека также выступают предпосылкой любых общественных отношений, а не их объектом.

Здоровье, как и жизнь, неотделимо от самого человека и в силу этого он в принципе не может совершать в отношении своего здоровья какие-либо активные действия. Могут совершаться лишь действия, способствующие в конечном счете улучшению или ухудшению здоровья. Однако такие действия направлены не на само здоровье человека, а на различного рода блага, с помощью которых улучшается или ухудшается здоровье. Например, лицо может приобрести пищу и заказать медицинские услуги, чтобы поддержать свое здоровье. В данном случае указанные действия направлены на продукты питания, на заказ медицинских услуг и существуют в рамках обязательств купли-продажи, возмездного оказания услуг и т. п.

Внешность, а точнее ее изменение, также выступает целью, а не объектом соответствующих общественных отношений. Человек в данном случае совершает активные действия лишь в отношении *средств ухода за внешностью*.

Такое «благо», как трудоспособность, также не может быть объектом общественных отношений, поскольку лицо в трудовых отношениях воздействует на средства производства, а не на свою трудоспособность.

Невозможно представить себе активные действия, которые человек мог бы совершить в отношении своей *национальной принадлежности, национального языка, а также вероисповедания*. Можно изменить указанные качества человека, однако в случае отсутствия государственной регистрации таких изменений соответствующих общественных отношений не будет вообще. В случае же внесения изменений в паспорт относительно национальной принадлежности общественные отношения складываются в связи с действиями человека и соответствующего государственного органа по внесению изменений в паспорт, а не действий лица в отношении своей национальной принадлежности.

⁸⁸ О неотделимости жизни человека от самого человека говорит, в частности, В. Л. Суховерхий (Суховерхий В. Л. О развитии гражданско-правовой охраны личных неимущественных прав и интересов граждан // Правоведение. 1972. № 3. С. 30). По мнению О. Н. Ермоловой жизнь, здоровье, внешний облик являются свойствами человека, поскольку имманентно присущи человеческому существу. Ермолова О. Н. Нематериальные блага: сущность и признаки правовой конструкции. Цивилист 2012. № 3. С. 38.

Авторство также не может выступать в качестве объекта общественных отношений, поскольку авторство не может быть передано другим лицам. В авторских отношениях объектом выступает то или иной произведение, а не факт авторства.

По тем же причинам нельзя относить к числу объектов общественных отношений ту или иную *сферу общественных отношений*, например сферу личной жизни, а также многообразные проявления присущей каждой личности индивидуальности.

Можно говорить как о нематериальных явлениях о *чести, достоинстве и деловой репутации*, поскольку они представляют собой *определенную оценку того или иного лица в сознании окружающих или этого лица*. Однако указанные явления относятся к *индивидуализированному духовному*, которое не находит воплощения в какой-либо объективированной форме и потому не может выступать объектом общественных отношений⁸⁹. Кроме того, закон не определяет каких-либо обязанностей в отношении названных благ. ГК РФ запрещает распространение не соответствующих действительности порочащих сведений о том или ином лице. Эти сведения как определенная информация объективируются лишь в процессе нарушения указанной обязанности и не являются объектом отношения, существовавшего до правонарушения.

И наконец, нельзя понимать под объектом общественного отношения ту или иную неприкосновенность, безопасность, телесную целостность, благоприятное экологическое состояние, те или иные свободы, тайны, которые как явления существуют *только в результате надлежащей реализации установленных государством правовых норм*. Любые блага должны существовать объективно, а не быть привнесенными в общество в результате правового воздействия.

Об этом пишет и Н. Д. Егоров. По его мнению, личные нематериальные блага представляют самостоятельную ценность для их носителей и существуют независимо от степени их правового опосредования. В силу этого не должны относиться к числу личных нематериальных благ те ценности, которые появляются в результате принятия соответствующих норм права. Так нематериальным благом является личность гражданина как проявление его личных качеств, а термин «неприкосновенность личности» отражает существо правовой охраны указанного нематериального блага. То же можно сказать и о неприкосновенности частной жизни⁹⁰.

Изложенное показывает, что в правовой литературе имеет место тенденция употреблять понятие «благо» не в качестве внешнего субъектам общественного отношения материального или нематериального предмета, что позволяет четко разграничивать соответствующие правоотношения, а в широком смысле — *как всего того, что удовлетворяет определенные потребности человека*⁹¹. Так, Н. И. Матузов пишет: «Блага подразделяются на материальные, духовные, этические, политические, культурные и т. д. Исчерпывающего деления дать нельзя в силу громадного разнообразия различных благ и ценностей по их назначению, роли, доступности и т. д. В роли блага могут выступать вещи, предметы, явления, действия, свобода, культура, идеи, социальные институты, продукты духовного творчества, равенство, здоровье, жизнь, честь, достоинство, неприкосновенность, труд, отдых, образование, творческая деятельность, участие в делах общества, в управлении государством, возможность избирать, быть избранным,

⁸⁹ Согласно п. 2 ст. 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии может быть передана деловая репутация правообладателя. Однако, несмотря на такую редакцию указанного пункта, нельзя говорить о том, что объектом соответствующего отношения является деловая репутация. При коммерческой концессии происходит лишь распространение на пользователя сложившегося на рынке мнения о правообладателе и получается соответствующая экономическая выгода. Сама же деловая репутация неотторжима от того лица, которое она характеризует (Гражданское право. Ч. 2. Изд. 4-е / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 2003. С. 736).

⁹⁰ Гражданское право. Учебник. Под. Ред. Ю. К. Толстого. Изд. 7-е. Том 1. М., 2009. 376–377.

⁹¹ Именно так понимается благо в этике и философии — то, что заключает в себе определенный положительный смысл. Благо — положительная ценность, предмет или явление, удовлетворяющее определенную человеческую потребность, отвечающую интересам, целям и устремлениям людей. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 55.

участвовать в общественно-политической жизни страны, заниматься творческой деятельностью, развивать свои способности и таланты»⁹².

Однако, несмотря на четко сформулированный критерий выделения понятия «блага» (определенной *ценности*), оно в таком широком смысле не может быть употреблено в юридической науке. Если довести ситуацию до абсурда, то в качестве благ могут быть названы столь разнообразные объекты, что *проблема определения и разграничения правовых явлений будет снята вообще*. Так, в правоотношениях собственности благом можно будет назвать и саму вещь, и ее неприкосновенность, и свободу действий собственника в отношении вещи, и все другие возможные явления, так или иначе характеризующие отношения собственности. Вряд ли такой подход будет способствовать более четкому уяснению сущности складывающихся по поводу той или иной вещи отношений. Поэтому более правильно с **юридической точки зрения** говорить о том, что в качестве блага как объекта соответствующего общественного отношения могут выступать лишь внешние для субъектов общественного отношения предметы материального и нематериального мира.

Таким образом, из всех перечисленных явлений к объектам каких-либо общественных отношений можно отнести лишь имя и псевдоним, а также запись голоса и изображение⁹³, поскольку другие «нематериальные блага» не выступают в овеществленной форме или форме объективированного духовного. К аналогичному выводу пришли Я. М. Магазинер и С. Ф. Кечекьян. Рассматривая проблему правоотношения, они отрицали за нематериальными благами значение самостоятельного объекта права. Как писал Я. М. Магазинер, объекты правоотношения — явления внешнего мира, которые экономически характеризуются как блага. Нельзя считать объектом права нематериальные блага: это содержание правоотношения между человеком, требующим не умялять его нематериальные блага, и человеком, обязанным не умялять их⁹⁴.

По мнению С. Ф. Кечекьяна, содержание нематериальных благ может быть раскрыто через действия управомоченного и обязанных лиц⁹⁵. Как видно, автор правильно обратил внимание на тот факт, что нематериальные блага, не являясь внешними для субъектов объектами (вещами, продуктами духовного творчества), могут раскрываться *лишь через те или иные действия субъектов отношения*.

Вышеизложенное позволяет сделать предварительный вывод о том, что личные неимущественные отношения ограничиваются отношениями по поводу таких внешних субъекту благ, как *имя, псевдоним, запись голоса и изображение*, поскольку личных неимущественных отношений по поводу других «нематериальных благ» существовать не может.

В последнее время с такой позицией солидарен научный руководитель автора Н. Д. Егоров. По его мнению, существует два вида нематериальных благ — личные нематериальные блага, которые неотделимы от личности их носителя (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация и т. д.) и другие нематериальные блага, которые могут быть отделены от субъекта посредством воплощения их в каком либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте (имя, товарный знак, произведение и т. д.).

Необходимость разграничения двух видов нематериальных благ обусловлена тем, блага второй группы воплощаются в каком то внешнем объекте, в отношении которого субъекты совершают определенные действия, из которых складываются общественные отношения, регу-

⁹² Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. С. 119–121, 239.

⁹³ Имя и псевдоним создаются сознанием человека (лицом, которому предоставлено право выбора имени ребенку и автором), объективируются путем регистрации в актах гражданского состояния и путем обозначения произведения тем или иным псевдонимом. Тем самым они относятся к объективированному духовному, которое может выступать объектом общественного отношения.

⁹⁴ Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 2000. № 1. С. 267–268.

⁹⁵ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С.150.

лируемые нормами права. Здесь возникают и правоотношения с субъективными правами и обязанностями. Личные же нематериальные блага неотделимы от личности их носителя. Они неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Они не воплощаются во внешних субъекту объектах. Поэтому здесь нет каких-либо действий и соответственно общественных отношений и правоотношений. Соответственно личные нематериальные блага не могут быть объектами субъективных гражданских прав⁹⁶.

При этом Н. Д. Егоров также говорит о *праве на имя* и *праве на изображение*. По мнению автора, оправданно говорить о праве на имя, поскольку оно воплощается во внешних по отношению к субъекту материальных объектах: в документах, вывесках, книгах, товарах и т. п. А в ст. 152.1. речь идет об охране такого нематериального блага как внешний облик гражданина, который нашел воплощение в соответствующем материальном объекте (фотографии, видеозаписи и т. д.). Поэтому эту статью правильнее было бы озаглавить как «право на изображение»⁹⁷.

Таким образом, по мнению Н. Д. Егорова, одни нематериальные блага являются объектом соответствующих общественных отношений, а другие — «личные нематериальные блага» — неотделимы от личности и лишь защищаются гражданским законодательством. Это подтверждается п. 2 ст. 2 ГК, где говорится именно о защите нематериальных благ.

И, наконец, с учетом того, что нематериальными благами не могут быть явления, которые возникают лишь в результате правового воздействия, Н. Д. Егоров предлагает окончательный перечень нематериальных благ. «Гражданским законодательством непосредственно охраняются и защищаются следующие личные нематериальные блага: жизнь и здоровье, честь, достоинство и деловая репутация, частная жизнь гражданина»⁹⁸.

К каким выводам на основании изложенного можно прийти?

Анализ законодательства и цивилистической литературы показывает, что ни один признак нематериальных благ «не прошел проверку на прочность».

Одни называемые в литературе и законодательстве блага являются внешними субъекту объектами (имя, псевдоним, запись голоса, изображение), а потому в связи с ними могут складываться соответствующие общественные отношения, при правовом регулировании принимающие форму правоотношений. Другие нематериальные блага не являются внешними субъекту объектами, а потому никаких общественных отношений, правоотношений и субъективных прав вокруг них складываться не может.

Одни нематериальные блага могут носить имущественный характер и имеют денежную оценку (например, то же имя), другие являются неимущественными и такой оценки не имеют (например, жизнь). Одни названные блага нематериальны (духовны, идеальны), например, имя и деловая репутация, другие нет (например, жизнь и здоровье). Одни блага отделимы от личности (например, деловая репутация), другие нет (например, жизнь).

Представляется, что неудачи в поиске единого признака нематериальных благ вызваны следующими причинами. Во-первых, перечень нематериальных благ в ст. 150 ГК РФ открытый. И каждый автор предлагал свой перечень нематериальных благ, именно исходя из которого и пытался дать их определение. Естественно, получались совершенно разные признаки. Во-вторых, и на это уже указывалось в настоящей статье, в правовой литературе применительно к нематериальным благам **до абсурда** доведена тенденция употреблять понятие «благо» в широком смысле — *как всего того, что удовлетворяет определенные потребности человека*.

Достаточно еще раз вернуться к перечню нематериальных благ, данному выше. Чего там только нет. Скоро туда попадет все, что вообще, так или иначе, в любом ракурсе, может

⁹⁶ Егоров Н. Д. Понятие гражданского права. Вестник гражданского права. 2012. № 4. Том 12. С. 48.

⁹⁷ Гражданское право. Учебник. Под. Ред. Ю. К. Толстого. Изд. 7-е. Том 1. М., 2009. 374–375.

⁹⁸ Гражданское право. Учебник. Под. Ред. Ю. К. Толстого. Изд. 7-е. Том 1. М., 2009. 377.

быть связано с физическим лицом. Достаточно сравнить — разного рода тайны, безопасность, неприкосновенность, свобода, здоровье, индивидуальность, трудоспособность, личная предприимчивость, изобретательность и энергия, телесная (физическая) целостность, национальная принадлежность, язык, благоприятное экологическое состояние, психологическое равновесие, геном, отдых, тело живого человека и т. д. и т. п. Остается далее ожидать — сон, тишина, способность к движению, зрение, левая нога, рост волос.

Все-таки мы склоняемся к тому, что понятие «блага» в таком широком смысле не может быть употреблено в юридической науке. Проблема нематериальных благ показывает, что в их качестве названы столь разнообразные «предметы», что проблема определения и разграничения правовых явлений снимается вообще. Между тем, традиционно рассмотрение правового явления через понятия субъекта, объекта и содержания. Поэтому более правильно с **юридической точки зрения** говорить о том, что понятие «блага» должно быть определено лишь в качестве объекта соответствующего общественного отношения. А им могут выступать лишь внешние для субъектов общественного отношения предметы материального и нематериального мира.

Поэтому в качестве «блага» могут выступать следующие внешние субъекту объекты: имя, псевдоним, запись голоса и изображение. Относительно указанных объектов могут складываться соответствующие общественные отношения. Причем эти отношения часто имеют имущественный характер, поскольку все указанные объекты имеют рыночную цену и являются товаром⁹⁹.

Что же касается иных названных в законе и литературе «нематериальных благ», то их со всеми основаниями следует охарактеризовать не как «блага», а как соответствующие *законные интересы* (ст. 4 АПК РФ, ст. 3 ГПК РФ — об этом далее)¹⁰⁰. Именно понятие «интереса» позволяет объединить все возможные явления, которые перечислены выше.

Предварительно укажем интересы, прямо охраняемые законом согласно ст. 150 ГК РФ:

1. Интерес в **сохранении жизни и здоровья**, обеспеченный запретом на посягательства, ухудшающие физическое состояние человека без его согласия, кроме случаев, установленных законом (ст. 1064 ГК РФ, соответствующие статьи УК РФ). Сюда можно отнести и интерес в благоприятной окружающей среде, который обеспечивается запретом совершать действия, причиняющие вред окружающей среде, и, соответственно, жизни и здоровью.

3. Интерес в **личной неприкосновенности**, который охраняется запретом посягательства на личность каким бы то ни было способом (ст. 22 Конституции РФ).

4. Интерес в **неприкосновенности чести, достоинства и деловой репутации** (ст. 23 Конституции РФ, ст. 152 ГК РФ).

5. Интерес в **неприкосновенности частной жизни**, обеспеченный запретом без согласия гражданина собирать, хранить, распространять и использовать любую информацию о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни (ст. 152.2 ГК РФ). Данный интерес включает в себя интерес в неприкосновенности средств личного общения, интерес в неприкосновенности личной документации, а также интерес в неприкосновенности жилища.

⁹⁹ В эту же группу прав следует отнести исключительное право лица распоряжаться отделенными от организма органами и тканями. С момента отделения органов и тканей от организма человека они становятся внешними субъекту материальными объектами, имеющими овеществленную форму. При этом в литературе есть мнение, что в данном случае применяются общие правила о праве собственности и обязательствах — Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. С. 576. Хотя Закон Российской Федерации от 22.12.92 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 63) относит органы и ткани к объектам, изъятым из гражданского оборота, потенциальная оборотоспособность органов и тканей несомненна.

¹⁰⁰ Защита «благ» как таковых бессмысленна. Поскольку право регулирует отношения между людьми, защищаться могут лишь интересы субъектов, связанные с этими благами.

6. Интерес в сохранении тайны частной жизни (ст. 152.2. ГК РФ)¹⁰¹.

Мы предложили свое видение рассматриваемой проблемы, а именно пришли к выводу, что более правильно говорить не о «нематериальных благах», а о соответствующих «законных интересах». Однако автору могут задать вопрос, какие же признаки присущи этим интересам? Мало поменять местами «нематериальные блага» и «законные интересы», необходимо показать, что же их характеризует, что их объединяет.

Для решения данной проблемы уместно использовать историческое и телеологическое (целевое) толкование ГК РФ. Исторически «личные блага» и соответствующие личные неимущественные отношения появились как антипод *имущественным* благам и отношениям, регулируемым гражданским правом. А *цель* законодателя при принятии ГК РФ 1994 г. состояла именно в том, чтобы указать область отношений и благ, при посягательстве на которые компенсировался бы моральный вред. И такая область носит именно *неимущественный характер*, поскольку в имущественных отношениях моральный вред компенсируется лишь в случаях, предусмотренных законом (ст. 151 ГК РФ). *Поэтому единым признаком для указанных интересов — интересов в сохранении жизни и здоровья, личной неприкосновенности, неприкосновенности чести, достоинства и деловой репутации, неприкосновенности частной жизни и сохранении ее тайны — является неимущественный характер*. Он проявляется в том, что все эти интересы никак не связаны с приобретением и использованием какого-либо имущества. И именно при защите данных интересов компенсируется моральный вред.

При этом их необходимо отграничить от других *неимущественных* интересов, охраняемых законом в РФ. Традиционно для этих целей применялся критерий «личного характера». Он может быть применен и в данном случае, однако следует четко уяснить, *что же понимается под личным характером в отношении указанных интересов*. Дело в том, что они не обязательно присущи каждой личности, например, некоторые лица абсолютно не против проникновения в их частную жизнь. Поэтому критерий личного характера не должен пониматься как принадлежность данных интересов обязательно каждому физическому лицу. Кроме того, указанные интересы в принципе могут и не защищаться на определенном уровне развития общества, то есть нельзя говорить о том, что они неотделимы от личности.

Поэтому можно предложить следующее понимание «личного характера» данных интересов, которое традиционно используется для классификации конституционных прав и свобод. В литературе по конституционному праву говорится о том, что специфической особенностью *личных* прав и свобод является то, что эти права и свободы являются по своей сущности правами и свободами человека, т. е. каждого, и не увязаны напрямую с принадлежностью к гражданству государства, не вытекают из него¹⁰². Иными словами, можно сказать, что личный характер указанных интересов проявляется в том, что *они присущи человеку как личности вне связи с его статусом гражданина какого-либо государства*. И в этом смысле личные неимущественные интересы четко отграничиваются от других неимущественных интересов, в частности, политических.

На основании вышеизложенного можно сделать предварительный вывод о том, что содержащееся в п.2 ст.2, а также в ст.150 ГК РФ положение, в соответствии с которым гражданское законодательство «защищает нематериальные блага» представляется не совсем корректным. В

¹⁰¹ На первый взгляд может показаться, что указанный список совпадает с уже приведенным Н. Д. Егоровым перечнем нематериальных благ. Однако, у уважаемого автора отсутствует благо, соответствующее закреплённому в ст. 150 ГК РФ интересу в личной неприкосновенности. Попытку Н. Д. Егорова указать в качестве такого блага саму «личность» (Гражданское право. Учебник. Под. Ред. Ю. К. Толстого. Изд. 7-е. Том 1. М., 2009. С. 377), нельзя признать удачной. В данном случае благо как объект полностью совпадает с субъектом.

¹⁰² Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. Изд. третье, переработанное и дополненное. Консультант Плюс.

действительности, гражданским законодательством охраняются и защищаются *личные неимущественные интересы* субъектов гражданского права. Об этом будет подробно указано далее.

Для подтверждения этого предварительного вывода необходимо рассмотреть содержание личных неимущественных отношений.

3. Содержание личных неимущественных отношений

В любом общественном отношении так или иначе присутствует *человеческая деятельность*. Роль последней в общественном отношении может пониматься по-разному, но она *никогда и никогда не исключалась из понятия общественного отношения*¹⁰³. Наличие человеческой деятельности является основным критерием, отличающим общественные отношения от других связей в обществе¹⁰⁴. В ряде общественных отношений на определенной стадии их существования активного поведения может и не быть. Как обоснованно отмечает В. Л. Слесарев, общественное отношение как форма взаимосвязи субъектов имеет своим содержанием возможность деятельности либо реализацию данной возможности — саму деятельность. Например, такая ситуация имеет место в обязательственных отношениях при отсрочке исполнения, когда ни управомоченное, ни обязанное лицо каких-либо действий не совершают. Однако не бывает таких общественных отношений, в которых *вообще не существует и не может существовать какого-либо **активного** поведения их участников*.

Пассивное поведение само по себе не может составлять содержание общественного отношения, поскольку при бездействии лицо вообще не вступает в какие-либо связи с окружающими.

Сделанный вывод ни в коей мере не противоречит юридической ситуации обязательства с отрицательным содержанием (например, по воздержанию от конкуренции), где бездействие несомненно выступает как акт поведения. Дело в том, что в силу заключения договора, порождающего обязательство с отрицательным содержанием, не возникает какого-то особого общественного отношения, в котором имеет место бездействие. В данном случае это обязательство лишь налагает дополнительные (по сравнению с законом) ограничения на определенные действия, которые опосредуются соответствующим общественным отношением, существующим до заключения договора. Например, при правовом регулировании отношений собственности, где лицо совершает активные действия в отношении вещи, право собственности ограничено запретами, установленными законом. Кроме этих установленных в законе запретов собственник может наложить на себя дополнительные ограничения путем вступления в обязательство, налагающее на него обязанности не совершать каких-либо действий в отношении своей вещи. При этом каких-то особых общественных отношений, в которых имеет место бездействие, не возникает. Просто налагаются дополнительные ограничения в рамках уже существующих отношений собственности. Да, действительно, бездействие можно считать актом поведения, когда лицо сознательно не совершает каких-либо действий, хотя имеет возможность их совершить. Однако в этой ситуации акт поведения в виде бездействия остается лишь в сознании человека и не может восприниматься окружающими. Именно поэтому бездействующие по отношению друг к другу лица не вступают в какие-то особые общественные отношения, связанные с этим бездействием.

При этом содержание общественного отношения не может заключаться только в таком *активном* поведении, когда управомоченное лицо дает другому лицу разрешение на совершение определенных действий, например, разрешение на использование своего изображения.

¹⁰³ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1980. С.80; Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С.11; Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968. С.91; Протасов В. Н. Место и роль субъективного права в правовом отношении с точки зрения системного подхода // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990. С.15; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 215–216; Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. С.73; Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С.19; Никифоров Б. С. Объект преступления. М., 1960. С.64. и др.

¹⁰⁴ Ткаченко Ю. Г. Указ. соч. С.80.

Поведение стороны общественного отношения в виде разрешения совершения определенных действий появляется лишь *в результате правового регулирования этого отношения путем введения соответствующего правового запрета*. Если такого запрета нет, невозможна и выдача разрешения на действия, которые дозволены без всяких ограничений.

Содержание общественного отношения не может также заключаться только в таком активном поведении, когда управомоченное лицо *предъявляет к обязанному лицу требование соблюдать определенный запрет*. Поведение стороны общественного отношения в виде требования определенного поведения от другой стороны также появляется лишь *в результате правового регулирования*. В частности, требование не совершать определенных действий появляется в результате введения соответствующего правового запрета. Пока общественное отношение не урегулировано правом, ни одна из его сторон не может требовать от другой стороны соблюдения такого запрета. *Таким образом, любое общественное отношение предполагает какое-либо активное поведение хотя бы одного из его участников, не сводимое к даче другому лицу разрешения на совершение определенных действий либо требованию соблюдения определенного запрета*.

В силу этого не бывает и *правоотношений*, в которых ни управомоченное, ни обязанное лицо не совершают каких-либо активных действий, и, соответственно, существующих в их рамках так называемых «негативных» субъективных прав, содержание которых сводится лишь к требованию соблюдения обязанным лицом определенного запрета. На это обращали внимание О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский. По их мнению, правоотношений, где ни одна из сторон не осуществляет активных действий, в природе не бывает¹⁰⁵. Правовое отношение имеет место только в том случае, если его субъекты активно действуют¹⁰⁶. Поэтому невозможно согласиться с А. В. Наумовым, который признает существование «общественных отношений *по поводу воздержания* лиц от совершения преступления вследствие уголовно-правового запрета»¹⁰⁷.

О существовании «негативных» субъективных прав можно говорить лишь в том случае, если понимать правоотношение исключительно как *связь права и обязанности, а не как общественное отношение, урегулированное нормой права*. Как указывает Н. Д. Егоров, спор между сторонниками двух концепций понятия правоотношения сводится к тому, как осуществляется связь между участниками правоотношения — через их субъективные права и обязанности или же посредством взаимообусловленного этими правами и обязанностями поведения субъектов правоотношений¹⁰⁸. Применительно к личным неимущественным правоотношениям указанный вопрос можно поставить следующим образом. Если понимать под правоотношением исключительно *связь права и обязанности*, то правоотношение, в частности, чести и достоинства сформулировать можно — как обязанность воздерживаться от посягательств на честь и достоинство и как право требовать исполнения этой обязанности. Если же понимать правоотношение как *общественное отношение, урегулированное нормой права*, то такое правоотношение в принципе существовать не может, как не может быть общественного отношения, где ни одна из сторон не совершает никаких активных действий.

В данном споре следует присоединиться к точке зрения тех авторов, которые полагают, что правоотношение, как и любое общественное отношение, представляет собой связь, складывающуюся в результате взаимодействия между людьми. Взаимодействовать же люди могут, только совершая определенные действия, акты поведения¹⁰⁹. К. Маркс писал, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития

¹⁰⁵ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. С. 215–216.

¹⁰⁶ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). С. 91.

¹⁰⁷ Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 18.

¹⁰⁸ Егоров Н. Д. Понятие имущественного правоотношения // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 4. 1980. № 23. С. 59.

¹⁰⁹ Там же.

человеческого духа, что они коренятся в материальных жизненных отношениях¹¹⁰. Следовательно, как не может быть общественного отношения, в котором обе стороны бездействуют, так и не может быть соответствующего правоотношения, а также существующего в его рамках «негативного» субъективного права. Говорить о субъективном праве можно только тогда, когда характер интереса предполагает совершение в целях его удовлетворения каких-либо **активных действий** либо носителем интереса, либо другими лицами. В этом случае между носителем интереса и этими лицами складывается общественное отношение, при правовом регулировании выступающее в форме правоотношения, в рамках которого и существует субъективное право.

Поскольку в действующем гражданском законодательстве понятие личного неимущественного права отсутствует, определение тех или иных прав в качестве личных неимущественных производится исключительно в доктринальном плане. Чтобы сделать вывод о природе личных неимущественных отношений и интересов, лежащих в их основе, проведем анализ *конструируемых в литературе* личных неимущественных прав с целью выяснить, какие же общественные отношения те или иные авторы считают опосредованными соответствующими личными неимущественными правами и соответствуют ли эти отношения указанному критерию — *обязательному наличию в их рамках активного поведения, не сводимого к требованию соблюдения того или иного запрета, а также к разрешению на совершение определенных действий*.

А. В настоящий момент в Российской Федерации действует Международный пакт о гражданских и политических правах¹¹¹, которым провозглашается, в частности, *право на жизнь*. В ст.6 указанного Пакта установлено, что никто не может быть произвольно лишен жизни.

В развитие указанной нормы ст.20 Конституции РФ предусматривает, что каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Право на жизнь в указанном смысле традиционно рассматривается в рамках науки международного и конституционного права¹¹². При этом сторонники **узкого толкования** права на жизнь видят его содержание в первую очередь в **недопустимости произвольного лишения жизни**. Сторонники **широкого понимания** человеческой жизни не ограничиваются биологическим и психическим функционированием организма, а трактуют ее как социальное явление, внутри которого человек находится в многочисленных связях и отношениях. И в этом плане право на жизнь, помимо запрета на произвольное лишение жизни, включает создание **государством** правовых, социальных, экономических и иных условий, обеспечивающих нормальную, полноценную, достойную человеческую жизнь¹¹³. Это так называемое **позитивное** обязательство государства в рамках международно-правового регулирования¹¹⁴.

Как указывает И. С. Семенов, нормы, закрепляющие право на жизнь, следует толковать комплексно как совокупность обязательств **государства** по защите человеческой жизни. Они делятся на негативные и позитивные. Негативные обязательства представляют собой обязанность государства не совершать противоправных действий, способных повлечь нарушение

¹¹⁰ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.13. С.6.

¹¹¹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 19.12.66 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 2. М., 1996.

¹¹² См., напр.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1995. С.198.

¹¹³ Андрианова В. В. Право на жизнь: правовой аспект // Юрист ВУЗа. 2012. № 12. С. 54.

¹¹⁴ Белобрагина Н. А. Международно-правовые стандарты механизма обеспечения и защиты права на жизнь // Современное общество и право. 2012. № 4. С. 17–18.

права на жизнь. Позитивные — это активные действия государства по обеспечению и защите права на жизнь¹¹⁵.

В этом смысле в рамках права на жизнь Т. В. Дробышевская конструирует **право на достойное человеческое существование**, которое должно быть гарантировано **государством** с учетом прожиточного минимума¹¹⁶.

Как пишет А. М. Зайцева, право на жизнь — это право на биологическое существование, право на достойный уровень жизни как члена общества и право на свободное духовое развитие как личности. Часто последние два элемента объединяют в одно понятие — право на достойную жизнь¹¹⁷.

Таким образом, в науке международного и конституционного права постулируется существование относительных правоотношений гражданина с государством, в рамках которых существует **право требования соответствующих активных действий со стороны государства по обеспечению достойного человеческого существования**.

Вместе с тем, в последнее время имеют место попытки обосновать **гражданско-правовую природу** субъективного права на жизнь¹¹⁸.

Одним из сторонников существования права на жизнь как субъективного гражданского права является М. Н. Малеина. По ее мнению, право на жизнь складывается из правомочия **на сохранение жизни (индивидуальности)** и **правомочия на распоряжение жизнью**. Правомочие на сохранение жизни (индивидуальности) проявляется в возможности самостоятельно решать вопросы (давать или не давать согласие) об изменении пола, пересадке искусственных органов и тканей. Правомочие на распоряжение жизнью состоит в возможности подвергать себя значительному риску (например, проведение опасного опыта на здоровом человеке — добровольце) и возможности решить вопрос о прекращении жизни (в том числе путем активной и пассивной эвтаназии)¹¹⁹. Объектом личного неимущественного гражданского права на жизнь, по мнению М. Н. Малеиной, является жизнь как высшее благо, возникающее с момента отделения жизнеспособного ребенка от организма матери и продолжающееся в течение функционирования головного мозга¹²⁰.

Существование права на жизнь в гражданско-правовом смысле признает также и Л. О. Красавчикова. Соглашаясь с тем, что право на жизнь включает в себя возможность решить вопрос о прекращении жизни путем пассивной эвтаназии, она среди возможностей, предоставленных субъекту личного неимущественного права на жизнь, называет также правомочия женщины на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона, а также на искусственное прерывание беременности и стерилизацию¹²¹.

Характеризуя право на жизнь с так называемой негативной стороны — в части требования определенного поведения от обязанных лиц — Л. О. Красавчикова говорит о воздержании

¹¹⁵ Семенов И. С. Право на жизнь (международно-правовой аспект). Автореферат дис... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

¹¹⁶ Дробышевская Т. В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита. Красноярск, 2001. С. 46.

¹¹⁷ Зайцева А. М. Право на жизнь: структура и природа // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 12. С. 9.

¹¹⁸ См., напр.: Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург. 1994; Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991; Ее же. О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2.

¹¹⁹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 20–21.

¹²⁰ Там же. С. 20. — Жизнь в качестве личного неимущественного (нематериального) блага признает подавляющее большинство ученых, в частности и те, кто не формулирует право на жизнь как личное неимущественное гражданское право (Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 80–84; Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловский. М., 1938. С. 136 (автор главы — М. М. Агарков); Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М., 1990. С. 11 и др.).

¹²¹ Красавчикова Л. О. Там же. С. 80–84.

нии всех окружающих лиц от действий, способных нарушить право управомоченного лица¹²². Аналогичной позиции придерживается и М. Н. Малеина¹²³.

Трудно, на наш взгляд, согласиться с приведенными точками зрения о существовании указанных правомочий в рамках *абсолютного права на жизнь*. Так, само название первого указанного М. Н. Малеиной правомочия — правомочия на сохранение жизни (индивидуальности), проявляющегося в возможности самостоятельно решать вопросы об изменении пола, а также о пересадке искусственных органов и тканей, свидетельствует о том, что автор подменяет понятие жизни понятием индивидуальности. Между тем любое правомочие права на жизнь должно обеспечивать *сохранение или лишение жизни*, иначе обозначение рассматриваемого права как права на жизнь теряет всякий смысл. С этой точки зрения необоснованна позиция и Л. О. Красавчиковой, поскольку не понятно, как связаны с благом *жизни субъекта права* названные ею правомочия женщины на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона, а также на искусственное прерывание беременности и стерилизацию¹²⁴. В данном случае речь идет о жизни *ребенка*, а не жизни женщины как субъекта рассматриваемого права.

Как обоснованно указывает Е. С. Резник, нельзя относить к праву на жизнь все возможности, которые предоставляются законодателем, в связи с тем, что они имеют тесную взаимосвязь с жизнью как таковой. Так, например, при такой трактовке право на жилье будет являться элементом права на жизнь, поскольку без жилья человек может умереть от переохлаждения. В этой связи представляется, что единственным критерием, который позволит четко разграничивать правовые возможности, подлежащие включению в перечень элементов права на жизнь, от составных частей других прав (с позиций вех отраслей права), является неразрывная связь с физическим существованием человека, которая выражается в том, что реализация соответствующих возможностей приводит или с высокой долей вероятности может привести либо к прекращению жизни, либо к ее спасению¹²⁵.

Правоотношения, в рамках которых возможна эвтаназия, являются не абсолютными, а *относительными*, поскольку имеет место требование *активного поведения* от обязанного лица по совершению действий, приводящих к смерти или к отказу от поддержания человеческой жизни. Существование такого требования в рамках абсолютных правоотношений не представляется возможным.

Сторонником права на жизнь в цивилистическом аспекте является также автор последней по времени монографии в этой области — Е. С. Резник. По ее мнению, содержание права на жизнь с позиции гражданского права составляют две возможности: сохранить жизнь (в том числе правомочия на рождение, использование и спасение жизни) и распоряжаться ею (правомочия на поставление жизни в опасное положение, принятие решения о прекращении жизни в форме самоубийства и эвтаназии (пассивной и активной)¹²⁶.

По мнению Е. С. Резник, правомочие на рождение — создание механизма, обеспечивающего возможность лица родиться. Использование человеком жизни понимается как постоянный процесс жизни (проживание жизни). В связи с этим данное правомочие требует лишь мер по охране жизни. А непосредственно само «проживание жизни» не предполагает отдель-

¹²² Там же. С.79.- Не все авторы единодушны в обозначении права требовать воздержания от посягательства на жизнь как права на жизнь. В. Л. Слесарев говорит в данном случае о «праве на неприкосновенность личности» (Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 131–132); З. П. Ромовская — о «праве на физическую неприкосновенность» (Ромовская З. П. Личные неимущественные права граждан СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. С.6).

¹²³ Такой вывод можно сделать из слов М. Н. Малеиной о том, что в случае причинения смерти нарушается право на жизнь (Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С.74).

¹²⁴ М. Н. Малеина, признавая само существование указанных правомочий, обоснованно говорит о том, что они не могут охватываться содержанием права на жизнь (Малеина М. Н. Там же. С.62).

¹²⁵ Резник Е. С. Право на жизнь: гражданско-правовые аспекты. М., 2010. С 65.

¹²⁶ Резник Е. С. Указ. Соч. С 67.

ного нормативного регулирования. Правомочие на спасение жизни с частно-правовых позиций предполагает оказание медицинской помощи в целях устранения угрозы жизни. Непосредственно правомочие на спасение жизни выступает в качестве права требовать активного поведения третьих лиц в целях избежания прекращения жизни¹²⁷.

Не можем согласиться с указанной позицией. Создание механизма, обеспечивающего возможность лица родиться — это требование активного поведения от **государства** по реализации указанной возможности и потому не может составлять соответствующее правомочия в рамках абсолютного права на жизнь, направленного против всех окружающих лиц. То же самое можно сказать и о требовании спасения жизни — это также требование активного поведения в рамках относительных правоотношений. Что касается использования жизни, то это совокупность вообще всех общественных отношений, в которые вступает человек, а потому не может приводить к образованию какого-то конкретного субъективного права. Не зря автор говорит в этом контексте лишь об охране жизни.

Таким образом, на основании вышеизложенного остается лишь правомочие распоряжения жизнью, включающего возможность подвергать себя значительному риску, а также свободно совершать самоубийство. Как пишет Е. С. Резник, сейчас по действующему законодательству самоубийство — ни право лица, ни правонарушение. А если не правонарушение, то оно может быть облечено в форму субъективного права, чтобы окружающие не препятствовали его осуществлению¹²⁸.

Не все авторы согласны с такой позицией. По мнению А. М. Зайцевой, признание права на смерть или самоубийство является недопустимым¹²⁹. Как пишет В. В. Андрианова, что же касается «права на смерть», то это юридический нонсенс, его формальное закрепление в рамках права на жизнь компрометирует сущность права, направленного на защиту жизни¹³⁰.

Со своей стороны хотелось бы указать на следующее. Жизнь — это необходимая предпосылка для вступления лица в любые отношения, **но не объект, по поводу которого возникают какие-то особые общественные отношения**. Человек может лишиться себя жизни тем или иным способом. Однако в данном случае объектом его действий в рамках соответствующих общественных отношений будет не сама жизнь, а нож, пистолет, веревка и другие подобные объекты, воздействуя на которые человек лишает себя жизни. Жизнь (а точнее ее прекращение) в данном случае выступает **не объектом активных действий человека, а их целью**.

Основной же недостаток позиции, по которой в рамках права на жизнь существуют некие **положительные** правомочия, состоит в том, что жизнь как неотделимое от человека благо реализуется во всех общественных отношениях, участником которых становится человек. Не существует какого-либо особого абсолютного общественного отношения, в рамках которого человек совершал бы активные действия, направленные на его жизнь.

Этим и объясняется неудачность предпринятых в литературе попыток сформулировать личное неимущественное право лица на жизнь, существующее в рамках абсолютного правоотношения.

Таким образом, можно говорить о наделении лица лишь возможностью требовать от всех окружающих лиц воздержания от действий, влекущих за собой его смерть, а также возможностью требовать воздержания от действий по изменению его пола, пересадке ему искусственных органов и тканей, проведению на нем опытов и лечения *без его согласия*, кроме случаев, предусмотренных законом. Однако из содержания указанных возможностей видно, что они

¹²⁷ Резник Е. С. Указ. Соч. С 72.

¹²⁸ Резник Е. С. Указ. Соч. С 153–155.

¹²⁹ Зайцева А. М. Указ. Соч. С. 15.

¹³⁰ Андрианова В. В. Указ. Соч. С. 53–54.

сводятся лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения они не предполагают. Это означает, что в основе этих возможностей не лежат какие-либо общественные отношения, которые, как отмечалось ранее, характеризуются активным поведением хотя бы одной из сторон, не сводящимся к требованию соблюдения запрета. Стало быть, *указанные возможности не образуют субъективные права, о чем свидетельствует и их негативный характер.*

Б. Аналогичную позицию М. Н. Малеина занимает и в отношении права на здоровье. По ее мнению, позитивное содержание личного неимущественного гражданского права на здоровье складывается из правомочий владения, пользования и распоряжения своим здоровьем. Правомочия по владению и пользованию здоровьем осуществляются фактически постоянно, но как бы юридически «незаметно», а проявляются в особых ситуациях и в случае нарушения здоровья. Так, гражданин может осуществлять правомочия по владению и использованию своего здоровья путем обращения в медицинское учреждение и заключения договора на оказание медицинской помощи. При этом гражданин становится обладателем относительных субъективных прав (на квалифицированную медицинскую помощь, выбор врача, информацию о состоянии здоровья, проведение консилиума и пр.), которые конкретизируют содержание права на здоровье и определяют его пределы. Другой способ использования своего здоровья, по мнению М. Н. Малеиной, — вынашивание и рождение женщиной ребенка, зачатого путем имплантации в ее организм чужой оплодотворенной яйцеклетки, с последующей передачей рожденного его биологическим родителям. В этом случае отношения должны оформляться как минимум двумя договорами: первый — между биологическими родителями и медицинским учреждением об изъятии донорского материала и возврате ребенка, второй — между медицинским учреждением и суррогатной матерью об имплантации яйцеклетки и возврате ребенка. Возможен также третий договор — между биологическими родителями и суррогатной матерью об общении в период беременности, о размере компенсации и т. п. Правомочие по распоряжению своим здоровьем, по словам автора, предполагает принятие дееспособным лицом самостоятельных решений, в том числе таких, которые неблагоприятно отразятся на здоровье. Например, существует возможность заключить договор об участии в биомедицинском исследовании (эксперименте на здоровом человеке), а также договор донорства, поскольку при этом нарушается телесная оболочка и возникает риск временного или постоянного ухудшения состояния здоровья. При этом необходимым условием проведения эксперимента является свободное письменное согласие гражданина — объекта исследования¹³¹. Правомочие по распоряжению своим здоровьем проявляется также в возможности отказа гражданина от медицинского вмешательства или требования его прекращения¹³². Против конструирования права на здоровье как субъективного гражданского права могут быть приведены те же доводы, что и в отношении права на жизнь. Как и жизнь, здоровье реализуется **во всех без исключения** общественных отношениях, в которые вступает человек. Здесь также невозможно существование какого-либо особого общественного отношения, объектом которого выступало бы здоровье управомоченного лица.

Трудно согласиться и с механическим переносом категорий, относящихся к праву собственности, к личным неимущественным правам. Как следует из позиции М. Н. Малеиной, любой признак, характеризующий индивида, может расцениваться в значении объекта, владеть и распоряжаться которым зависит от самого управомоченного. Однако, правомочия «владения» и «распоряжения» едва ли приложимы к здоровью. Эти категории в их традиционном понимании применимы лишь к объектам, отделимым от управомоченного субъекта. Между

¹³¹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 21–23; Ее же. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 76–83.

¹³² Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 82.

тем здоровье человека неотделимо от самого человека и в силу этого он в принципе не может совершать в отношении своего здоровья какие-либо активные действия, включая действия по владению и распоряжению.

Нельзя не заметить противоречия в позиции самой М. Н. Малеиной. Так, запрет проведения опытов в той части, когда опыты связаны со «значительным риском», охватывается у М. Н. Малеиной правом на жизнь, а когда они просто «могут неблагоприятно отразиться на здоровье» — правом на здоровье. То же самое обнаруживается и при рассмотрении правомочия на отказ от медицинского вмешательства. М. Н. Малеина анализирует это правомочие и в рамках права на жизнь (пассивная эвтаназия), и в рамках права на здоровье. Между тем юридическая природа указанных правомочий одинакова: никто не вправе проводить опыты и лечение без согласия управомоченного, кроме случаев, предусмотренных законом.

Правомочие требовать прекращения лечения является не абсолютным, а *относительным*, поскольку имеет место в обязательственных правоотношениях клиента с медицинским учреждением.

По мнению Л. О. Красавчиковой, правом на здоровье охватываются следующие возможности: право на получение квалифицированной медицинской помощи, право на своевременную лекарственную помощь, право на квалифицированное и своевременное протезирование, право на врачебно-косметологическое лечение, право на донорство и трансплантацию органов и тканей, право на участие в медицинском эксперименте¹³³.

Между тем все провозглашенные Л. О. Красавчиковой правомочия, входящие, по ее мнению, в абсолютное субъективное право на здоровье, на самом деле существуют в рамках относительных правоотношений, поскольку предполагают *активное поведение обязанных лиц*. Относительный характер носят и правоотношения женщины, вынашивающей чужого ребенка, с родителями этого ребенка и медицинскими учреждениями, оказывающими услуги по имплантации эмбриона, так как эти отношения возникают на основании соответствующих договоров. Абсолютных же правоотношений, в рамках которых человек мог совершать какие-либо активные действия в отношении своего здоровья, не существует¹³⁴.

Таким образом, можно признать, что у человека есть возможность требовать от всех окружающих лиц воздержания от действий, *ухудшающих его здоровье, кроме случаев, установленных законом*¹³⁵. Однако, содержание этой возможности показывает, что она сводится лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения управомоченного или обязанного лица она не предполагает. Между тем, как было указано ранее, негативных субъективных прав не существует ввиду отсутствия соответствующих общественных отношений и правоотношений. Поэтому указанная возможность не может быть охарактеризована как субъективное право.

В. Право на благоприятную окружающую среду, как и права на жизнь и здоровье, традиционно рассматривалось в науке конституционного права. Так, Ю. С. Шемшученко отмечает, что право человека на безопасную (здоровую) окружающую среду относится к числу его фундаментальных прав, имеющих в своей основе естественный характер¹³⁶. Как о социально-эко-

¹³³ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 92–117.

¹³⁴ В рамках права на здоровье Т. В. Дробышевская конструирует право на сон (Дробышевская Т. В. Указ. соч. С. 47). Однако она не определяет, что же конкретно и от кого может требовать управомоченное лицо на основании указанного права. Поэтому возможности оценить позицию автора нет.

¹³⁵ На это указывала М. Н. Малеина в более ранней работе: «Право человека на здоровье конструируется как его личное неимущественное право находиться в состоянии полного психического и физического благополучия. Оно имеет абсолютный характер, так как ему соответствует обязанность всех остальных членов общества воздерживаться от действий, нарушающих это право» (Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. С. 26).

¹³⁶ Шемшученко Ю. С. Человек и его право на безопасную (здоровую) окружающую среду // Государство и право. 1993. № 10. С. 121.

номическом конституционном праве говорят о праве на благоприятную окружающую среду Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин¹³⁷.

Однако в последние годы ряд авторов рассматривают и гражданско-правовой аспект указанного права¹³⁸. По мнению М. Н. Малеиной, право на благоприятную окружающую среду состоит из правомочий по использованию, изменению окружающей среды, получению информации о ее санитарно-эпидемиологическом состоянии¹³⁹. Благом, которое лежит в основе указанного права, является благоприятное экологическое состояние личности¹⁴⁰.

Как пишет М. Н. Малеина, правомочие по использованию окружающей среды заключается в возможности дышать чистым воздухом, пользоваться естественными неотравленными плодами и благами природы, не подвергаться воздействию шума, вибрации и пр.¹⁴¹. Правомочие по изменению окружающей среды, по ее словам, представляет возможность совершать действия, способствующие созданию благоприятной среды обитания (например, заключить договор на ремонт помещения)¹⁴².

Праву гражданина на здоровую окружающую среду корреспондирует обязанность любого субъекта (государства, юридического и физического лица) воздерживаться от негативного воздействия на окружающую среду, а также принимать меры по предупреждению таких воздействий и ликвидации их последствий¹⁴³.

Однако, возможность дышать *чистым* воздухом, пользоваться *естественными неотравленными* плодами и благами природы вряд ли можно отнести к числу *юридически обеспеченных возможностей*. Указанные действия представляют собой *фактическую реализацию* правомочия требовать, чтобы окружающие лица не наносили вреда окружающей среде. Только в том случае, если не будет наноситься вред окружающей среде, воздух будет чистым, а блага природы — неотравленными. Здесь можно говорить *об интересе в благоприятной окружающей среде*, обеспеченном правомочием требовать не наносить ей вреда.

Неправомерно, с нашей точки зрения, называть возможность заключения договора на ремонт помещения *правомочием на изменение окружающей среды*. Такая возможность (способность) является элементом правоспособности гражданина, а не его субъективным правом или правомочием в рамках субъективного права. Кроме того, некорректно подменять обозначение правомочия его целью. Следуя этой логике, возможность заключения договора на ремонт помещения можно назвать правомочием и права на здоровье, и права на жизнь, поскольку ремонт помещения может проводиться как с целью улучшить здоровье проживающих, так и для обеспечения их жизнедеятельности.

Следует также отметить, что обязанность принимать меры по предупреждению негативного воздействия на окружающую среду и ликвидации его последствий предполагает *активное поведение* обязанного лица, которое не может иметь место в абсолютном правоотношении.

¹³⁷ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1998. С.216.

¹³⁸ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С.24; Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С.124; Мисник Г. А. Ответственность предприятий за нарушение природоохранительного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992. С. 5.

¹³⁹ Малеина М. Н. Там же.

¹⁴⁰ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С.98. — В данном случае в качестве блага, лежащего в основе права на благоприятную окружающую среду, понимается именно благоприятное экологическое состояние личности, а не сама окружающая среда как нечто внешнее по отношению к субъекту.

¹⁴¹ Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. А. Г. Калпина и А. И. Масляева. М., 1997. С. 136–137.

¹⁴² Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С.25.

¹⁴³ Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. С.36; Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С.125.

Что касается требования о получении информации о состоянии окружающей среды, то такое требование также существует в рамках *относительного* правоотношения, поскольку в качестве обязанного лица выступает конкретный государственный орган.

Л. О. Красавчикова определяет право на благоприятную окружающую среду несколько иначе. По ее мнению, это абсолютное личное неимущественное право, в первую очередь определяющее границы поведения самого управомоченного лица. Гражданин по своему личному усмотрению и возможностям определяет место своего проживания, быта, отдыха, обучения, воспитания, нахождения в той или иной среде обитания и природной среде¹⁴⁴. Однако при такой трактовке право на благоприятную окружающую среду по сути отождествляется с *правом на свободу передвижения*, поскольку очевидно, что оба права обеспечивают интерес в проживании в наиболее благоприятном для данного конкретного человека месте.

Поэтому в данном случае можно говорить лишь о *юридически обеспеченной возможности требовать от всех окружающих лиц воздерживаться от негативного воздействия на окружающую среду*. Из содержания данной возможности видно, что она сводится лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения управомоченного или обязанного лица она не предполагает. Поскольку таких субъективных прав в принципе существовать не может, *нельзя говорить о том, что указанная возможность является субъективным правом, в основе которого лежат соответствующие общественные отношения*.

Г. Правовая наука уже давно восприняла тот факт, что те или иные посягательства на человека не всегда наносят вред его жизни или здоровью. В данном случае говорят о так называемом *праве на личную неприкосновенность*. Обосновывая выделение этого права, Л. О. Красавчикова отмечает, что то или иное посягательство на человека может быть и не сопряжено с причинением вреда его жизни или здоровью. Так, незаконный личный обыск, незаконное освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования не причиняют какого-либо ущерба здоровью лица, но нарушают его физическую (телесную) неприкосновенность¹⁴⁵.

Л. О. Красавчикова, анализируя историю развития научных взглядов о праве на неприкосновенность личности, сделала ряд ценных замечаний. В частности, она обоснованно указывает на то, что право на неприкосновенность личности всегда трактовалось широко, как состоящее из нескольких правомочий. Причем единого мнения о составе этих правомочий не выработано¹⁴⁶.

Например, В. Е. Гулиев и Ф. М. Рудинский полагали, что прежде всего следует выделить, во-первых, право гражданина на свободу от незаконных необоснованных арестов, личных обысков, освидетельствований и иных принудительных мер со стороны государственных органов и должностных лиц, во-вторых, право на свободу гражданина от преступных посягательств отдельных лиц¹⁴⁷.

Другие авторы в число таких правомочий предлагали включать право на юридическую защиту со стороны органов государства и общественных организаций, право на личную свободу, право на защиту в суде, право на неприкосновенность жилища¹⁴⁸.

Специалисты в области уголовного процесса считали, что анализируемое право образуют: 1) право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу и их

¹⁴⁴ Красавчикова Л. О. Там же. С.124. — Сходная точка зрения высказывалась Г. А. Мисник (Мисник Г. А. Указ. соч. С.5).

¹⁴⁵ Красавчикова Л. О. Там же. С.133. — Причиняемый при этом моральный вред не всегда влечет за собой ухудшение здоровья.

¹⁴⁶ Там же. С. 127–128.

¹⁴⁷ Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С.109.

¹⁴⁸ Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 185–186.

защиту государством, 2) право человека на честь и достоинство, нравственную свободу, психическую неприкосновенность, 3) право человека на индивидуальную свободу¹⁴⁹.

По мнению А. В. Писарева, личную неприкосновенность можно разделить на два под-вида: физическую и психическую. Первая характеризуется прежде всего отсутствием какого-либо физического контакта с человеком против его воли, а вторая — отсутствием контакта, подавляющего сознание, мысли, волю человека и оказывающего принудительное воздействие на его поведение¹⁵⁰.

По мнению Ф. М. Рудинского, существует три разновидности неприкосновенности: физическая (жизнь, здоровье, физическая целостность), нравственная (честь, достоинство), духовная (возможность на основе свободы волеизъявления располагать своими поступками, не подвергаться незаконному принуждению)¹⁵¹.

Как пишет Е. А. Гончаров, понятие личной неприкосновенности объединяет три вида неприкосновенности: моральную, физическую и психическую. Моральная неприкосновенность охватывает область духовных ценностей, имеющих приоритетное значение в сознании конкретного индивида: представления о личном достоинстве, моральные убеждения, постулаты исповедуемого религиозного учения и т. п. Признание права на моральную неприкосновенность означает недопустимость вмешательства как государства, так и частных лиц в сферу духовных ценностей личности путем принуждения к отказу о них либо путем их оскорбления, высмеивания и т. п.

Физическая неприкосновенность — это состояние человека, которое характеризуется отсутствием посягательств на его здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу. Таким образом, лицо не должно подвергаться не только неправомерному воздействию, способному нарушить анатомическую целостность и естественное протекание физиологических процессов его организма, но и воздействию, может, и не влекущему причинение физического вреда, но осуществляемому вопреки его воле (сексуальное насилие)¹⁵². Психическая неприкосновенность может быть рассмотрена как состояние психики человека, характеризующееся двумя особенностями: во-первых, отсутствием внешнего воздействия любого характера, направленного на подавление воли личности с целью принуждения ее к совершению определенного деяния в интересах принуждающего лица (лиц); во-вторых, отсутствием принудительной помощи психиатрического характера, не обусловленной медицинскими показаниями¹⁵³.

По мнению А. А. Опалевой, право на личную неприкосновенность означает, что при условии правомерного поведения, рамки которого определены законом, личность не может быть ограничена в своей физической, волевой и духовной свободе, она пользуется этим благом. Оно включает в себя также недопустимость противоправного ограничения этой свободы, возможность требовать соответствующего поведения от обязанных лиц и возможность прибегнуть к государственной защите в случае его нарушения¹⁵⁴.

Как полагает Л. О. Красавчикова, подобный разброс мнений различных авторов относительно содержания *права на неприкосновенность личности* не случаен. Неприкосновенность личности стала рассматриваться в качестве принципа, выражающего содержание определен-

¹⁴⁹ Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 37–38. А. П. Горшенев также полагает, что право "на охрану жизни" входит в качестве правомочия в более широкое по своему содержанию право на неприкосновенность личности (Горшенев А. П. Личные конституционные права советских граждан. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 12).

¹⁵⁰ См.: Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 22–23.

¹⁵¹ См.: Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 76.

¹⁵² См.: Гончаров Е. А. Указ. соч. С. 193.

¹⁵³ См.: Там же. С. 194–195.

¹⁵⁴ См.: Опалева А. А. Личная неприкосновенность как правовой институт // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 5. С. 73–74.

ных групп отраслей права, который развивается и конкретизируется в уголовно-процессуальном, уголовном, административном, административно-процессуальном праве. Именно с учетом специфики каждой из этих отраслей права определялся конкретный объем правомочий, входящих в содержание *права на неприкосновенность личности*¹⁵⁵.

В цивилистической литературе некоторые авторы придерживались мнения, что право на неприкосновенность личности (или личную неприкосновенность) подразделяется на следующие предусмотренные законом возможности. Во-первых, право на неприкосновенность личности означает, что никто не может быть подвергнут аресту и лишен свободы вне установленного порядка, т. е. гражданин вправе требовать от соответствующих государственных органов и должностных лиц соблюдения закона в их деятельности. Во-вторых, гражданин вправе требовать от всех прочих граждан воздержания от посягательств на свою свободу¹⁵⁶.

Таким образом, право на неприкосновенность личности трактовалось этими авторами лишь *негативно, без указания на те положительные действия, которые вправе совершать управомоченное лицо*.

Иную позицию занимает О. А. Красавчиков и ряд других авторов, которые выделяют в праве на личную неприкосновенность и положительное содержание: каждый имеет возможность беспрепятственно располагать собой по своему личному усмотрению и пресекать любые противоправные действия, ущемляющие его личную свободу¹⁵⁷. В этом случае право на неприкосновенность личности включает в себя два указанных правомочия: «негативное» (право на личную неприкосновенность) и «положительное» (право на личную свободу).

Л. О. Красавчикова рассматривает право на личную свободу и право на личную неприкосновенность как самостоятельные субъективные права. По ее мнению, право на личную свободу тесно связано с правом на личную неприкосновенность, однако является самостоятельным личным неимущественным правом. Право на личную свободу означает соответствующую меру возможного и юридически дозволенного поведения гражданина распоряжаться собой, своими поступками и временем. Право на личную неприкосновенность предполагает недопустимость посягательства на личность со стороны кого-либо, за исключением случаев, предусмотренных законом¹⁵⁸.

Последняя позиция в части разграничения *права на личную свободу и права на личную неприкосновенность* наиболее обоснованна¹⁵⁹. Указанные возможности абсолютно различны. В праве на личную свободу закреплён интерес лица в самостоятельном определении своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по собственному усмотрению. При этом от окружающих лиц требуется не создавать препятствий для такого активного поведения. Право же на личную неприкосновенность не связано с какими-либо активными действиями управомоченного, а предполагает лишь «негативное» требование ко всем окружающим лицам воздерживаться от действий, нарушающих личную неприкосновенность¹⁶⁰.

¹⁵⁵ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 127–128.

¹⁵⁶ См., напр.: Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. С. 161; Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. С. 64–65. — Сходного мнения придерживается А. М. Эрделевский (Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997. С. 13, 155, 156).

¹⁵⁷ Советское гражданское право. Т. 1. Изд. 3-е / Под ред. О. А. Красавчикова. С. 192; Горшенев А. П. Личные конституционные права советских граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

¹⁵⁸ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 131–132. — Аналогичного мнения придерживается и Н. Д. Егоров (Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С. 132).

¹⁵⁹ Е. А. Флейшиц предлагала разделять право на неприкосновенность личности и право на личную свободу несколько иным образом. Опираясь на действующую на тот момент Конституцию, она пишет, что согласно ст. 127 Сталинской Конституции право на неприкосновенность личности есть притязание, обращаемое исключительно к органам государства. Его коррелятом в сфере отношений граждан между собой должно быть право на телесную неприкосновенность и личную свободу (Флейшиц Е. А. Личные права в Гражданском праве СССР и капиталистических стран. М., 1941. С. 97).

¹⁶⁰ При этом такое право не должно конструироваться как право требовать от соответствующих государственных органов и

Для авторов, анализирующих право на личную свободу, критерием выделения указанного права является его существование в некой сфере личной жизни или индивидуальной жизнедеятельности, где личная свобода предоставляется¹⁶¹. В связи с этим встает вопрос: как определить эту область — *сферу личной жизни*. Ф. М. Рудинский пытается определить сферу личной свободы через некий *перечень отношений*. По его словам, правовой институт личной свободы представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, выражающие возможность беспрепятственного выбора различных вариантов поведения в *сфере моральных отношений, быта и индивидуальной жизни людей*¹⁶².

В. Л. Суховерхий придерживается другой позиции. По его мнению, попытки определить сферу личной жизни путем перечисления отношений, которые составляют ее содержание и за которыми кончаются ее пределы, неудачны, поскольку личная жизнь человека не только находится в неразрывном единстве с его общественной жизнью, но и не мыслится как нечто обособленное. Как указывает В. Л. Суховерхий, более правильно выделять сферу личной жизни по признаку наличия социальной значимости интересов, лежащих в основе конкретных действий человека. С учетом этого сфера личной жизни условно может быть определена как круг таких отношений и поступков лица, которые направлены на удовлетворение индивидуальных потребностей способами и средствами, непосредственно не представляющими социальной значимости¹⁶³.

Все приведенные критерии, как представляется, нельзя признать достаточно четкими. Общественный характер присущ **любой** человеческой деятельности. С этой точки зрения более логична позиция В. А. Патюлина, который говорит о том, что сфера личной свободы граждан лежит за пределами их обязанностей перед государством¹⁶⁴. В этом определении личной свободы есть рациональное зерно, состоящее в *смещении акцента на отождествление личной свободы и просто свободы* как выражения принципа «все, что не запрещено *государством*, то дозволено».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что нет четкого критерия выделения «личной свободы» или «свободы в индивидуальной жизнедеятельности». Кроме того, если брать за основу выделения права на личную свободу критерий «личной сферы», то это не позволяет отграничивать рассматриваемое право от других прав, осуществляемых в «сфере личной жизни», в частности от права собственности в отношении личных вещей. Поэтому более правильно говорить о том, что критерием для выделения права на личную свободу среди других прав абсолютного типа является *неимущественный характер* данного субъективного права, поскольку речь идет о правовом регулировании личных *неимущественных* отношений. Иными словами, существует *свобода определения своего поведения в неимущественной сфере* наравне со *свободой определения своего поведения в отношении вещей (право собственности) и объектов «интеллектуальной собственности» (права «интеллектуальной собственности»)*.

Анализ рассматриваемых возможностей показывает следующее. Требование о личной неприкосновенности представляет собой требование соблюдения установленного запрета. Оно

должностных лиц соблюдения закона в уголовно-процессуальной деятельности по арестам, обыскам и освидетельствованиям. Соблюдение закона со стороны государственных органов и должностных лиц происходит в рамках соответствующего уголовно-процессуального правоотношения. Кроме того, в таких ситуациях некоторые авторы вообще отрицают наличие какого-то особого субъективного права. Когда интерес индивида обеспечивается тем, что государственная власть действует согласно порядку, установленному нормами права, имеет место так называемый «рефлекс объективного права», то есть юридически пустое место, а не субъективное право (См., Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 2. С. 36).

¹⁶¹ См., напр.: Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. С.50.

¹⁶² Рудинский Ф. М. Теоретические проблемы личных конституционных прав советских граждан // Труды высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 1. Волгоград, 1969. С. 112–114.

¹⁶³ Суховерхий В. Л. Личные неимущественные права граждан в Советском гражданском праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1970. С. 10–11.

¹⁶⁴ Патюлин В. А. Неприкосновенность личности как правовой институт // Советское государство и право. 1973. № 11. С.12.

не связано с каким-либо другим активным поведением управомоченного или обязанного лица. Поэтому можно говорить о том, что указанное требование не выступает в качестве субъективного права, в основе которого лежат соответствующие личные неимущественные отношения. *Что касается права на личную свободу, то оно предполагает активное поведение управомоченного в неимущественной сфере, что дает основание для вывода о том, что в основе этого права лежат соответствующие общественные отношения.*

Д. М. Н. Малеина конструирует субъективное личное неимущественное гражданское право на физическую и психическую неприкосновенность. Физическая неприкосновенность означает автономное решение вопросов о пользовании и распоряжении своим телом, отделенными от организма органами и тканями. Психическая неприкосновенность — свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей. В содержание этого права, по мнению М. Н. Малеиной, входит также правомочие требовать, чтобы другие субъекты воздерживались от нарушения указанных возможностей. В частности, управомоченный может требовать, чтобы окружающие лица не наносили побоев, не совершали насильственных действий сексуального характера, не внедряли в организм какие-либо предметы, например зонд для принудительного кормления, не угрожали и не гипнотизировали. Кроме того, управомоченный может требовать соблюдения установленных правил производства личного обыска, освидетельствования, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования¹⁶⁵.

Право на физическую и психическую неприкосновенность, по словам автора, реализуется путем заключения управомоченным возмездных договоров на личную охрану со специальными фирмами или отдельными гражданами (телохранителями, охранниками). Право на психическую неприкосновенность осуществляется также через заключение договоров между управомоченным и врачом-психотерапевтом (или экстрасенсом) на устранение воздействия гипноза. Правомочие гражданина самостоятельно распоряжаться своим телом, отделенными от организма органами и тканями рассматривается М. Н. Малеиной как возможность выразить свою волю, реализуемую как при жизни, так и после смерти. При этом автор не относит органы и ткани человека с момента их отделения от организма к объектам права собственности, хотя и признает их вещественный характер. М. Н. Малеина говорит также о возможности родителей при определенных условиях распоряжаться абортированным плодом — давать или не давать согласие на использование тканей или органов эмбриона для научного исследования или лечения¹⁶⁶.

Позиция М. Н. Малеиной, на наш взгляд, вызывает возражения. Во-первых, нельзя говорить о том, что существует самостоятельное правомочие «на свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей». Свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей характерно для осуществления любого субъективного права и поэтому не может составлять содержание самостоятельного субъективного права. Не случайно другие авторы говорят о свободе в некой сфере личной жизни или о «личной свободе», тем самым отграничивая рассматриваемое право от других субъективных прав.

Во-вторых, можно усомниться в том, что *правомочие на физическую неприкосновенность* имеет личный неимущественный характер. С момента отделения органов и тканей, а также абортированного плода от организма человека они становятся материальными объектами, имеющими овеществленную форму, что предполагает возможность применения к ним общих правил о праве собственности и обязательствах¹⁶⁷. В то же время естественные свойства указан-

¹⁶⁵ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 94–97.

¹⁶⁶ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 23–24; Ее же. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 87–90.

¹⁶⁷ Об этом писал Ю. С. Гамбаров (Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. С. 576). Хотя Закон Российской Федерации от 22.12.92 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (Ведомости Съезда

ных объектов определяют особенности в применении к ним норм о праве собственности, например наличие особого способа возникновения — отделения от организма данного человека.

Запрет нанесения побоев в связи с тем, что побои ухудшают *здоровье* человека, не может охватываться содержанием права на физическую неприкосновенность. Смысл выделения последнего в том и состоит, чтобы обеспечить интересы управомоченного в тех случаях, когда не нарушается его здоровье. То же самое можно сказать и о внедрении в организм зонда для принудительного кормления. О требовании лица не осуществлять медицинское вмешательство без его согласия уже говорилось при рассмотрении прав на жизнь и здоровье.

Несоблюдение установленных правил производства личного обыска, освидетельствования, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования нарушает не субъективные гражданские права, а соответствующие права, существующие в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, нельзя признать достаточно обоснованной позицию М. Н. Малеиной о необходимости закрепления в гражданском законодательстве личного неимущественного права на физическую и психическую неприкосновенность. Единственное, что можно было бы сформулировать в данной сфере, так это юридически обеспеченную возможность лица требовать от всех окружающих воздержания от насильственных действий сексуального и гипнотического характера, а также от высказывания каких-либо угроз. Однако, такая «негативная» возможность не может быть охарактеризована как субъективное право. В данном случае ни управомоченное, ни обязанные лица не совершают каких-либо действий, что свидетельствует об отсутствии лежащих в основе такой возможности общественных отношений.

Е. Одним из личных неимущественных прав, прямо закрепленных в действующем гражданском законодательстве, является *право на честь, достоинство и деловую репутацию*. Несмотря на это, право на честь, достоинство и деловую репутацию формулируется в литературе по-разному.

Так А. В. Белявский и Н. А. Придворов утверждают, что право на честь и достоинство, защищаемое ст. 7 Основ гражданского законодательства, включает как право на истинность поступающей в общество от других лиц информации о фактах поведения лица, так и право на адекватность нравственной оценки на основе требований морали. Это право означает возможность требовать, что все третьи лица воздерживались от сообщений порочащих фактов и оценок, не соответствующих действительности. Оно включает и еще одну возможность — пользоваться социальным благом, то есть сознавать и чувствовать свою положительную моральную оценку¹⁶⁸.

Наиболее широко понимает право на честь, достоинство и деловую репутацию М. Н. Малеина. По ее мнению, в содержание права на честь, достоинство и деловую репутацию входят положительные правомочия по владению, пользованию и изменению чести, достоинства и деловой репутации. Правомочие по владению заключается в возможности обладать честью, достоинством и деловой репутацией без обращения за содействием третьих лиц и требовать от любого и каждого не нарушать эти блага. Правомочие пользования дает возможность использовать сложившиеся в обществе представления о себе в личной, трудовой, общественной и иных сферах деятельности. Правомочие по изменению содержания чести и деловой репутации может быть реализовано, в частности, путем заключения сделок, направленных на формирование определенного имиджа¹⁶⁹.

НД РФ и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 63) относит органы и ткани к объектам, изъятым из гражданского оборота, потенциальная оборотоспособность органов и тканей несомненна.

¹⁶⁸ Белявский А. В., Придворов Н. А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971. С. 31, 35.

¹⁶⁹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 28.

Однако позиция, акцентирующая внимание на положительных правомочиях, уже давно подвергалась обоснованной критике. Честь, достоинство и деловая репутация — это такие блага, в отношении которых лицо не может совершать каких-либо положительных действий. В силу этого не существует каких-либо *самостоятельных* общественных отношений чести, достоинства и деловой репутации. В принципе возможна ситуация, когда лицо совершает какие-либо действия с единственной целью *сформировать* у окружающих хорошее мнение о себе, например совершает пожертвование. Однако в этом случае возникает не самостоятельное *отношение чести*, а *отношения дарения*, регулируемые специальным законодательством. В этом случае цель, которую преследует лицо, выходит за рамки общественных отношений дарения.

Невозможно себе представить ситуацию, когда человек вступает в *особое* общественное отношение только для того, чтобы *пользоваться* своей честью, достоинством или деловой репутацией. Так, хорошая деловая репутация — это лишь предпосылка для вступления в те или иные общественные отношения, например договорные, поскольку у лица, зарекомендовавшего себя в бизнесе, больше шансов на заключение выгодных контрактов. Как правильно указывает О. С. Иоффе, честь и достоинство невозможно урегулировать юридически или, если возможно, то лишь как обобщенное выражение деятельности субъекта, опосредствуемой всеми отраслями советского права¹⁷⁰. По его мнению, право на честь и достоинство несомненно обладает и положительным содержанием, заключающимся в признании за гражданами и их коллективами возможности самого широкого, не противоречащего закону, правилам социалистического общежития и принципам коммунистической морали, проявления своей индивидуальности. Очевидно, однако, что границы таких возможностей и условия их осуществления устанавливаются всей системой советского права, а также системой других действующих в нашем обществе социальных норм. Вот почему нельзя говорить о праве на честь и достоинство как о субъективном гражданском праве¹⁷¹.

Об этом же пишет А. Л. Анисимов. По его мнению, право на честь, достоинство и деловую репутацию предполагает и позитивную сторону, которая однако заключается в поведении, дозволенном управомоченному в пределах всего правового спектра¹⁷².

Поэтому в гражданско-правовой литературе преобладает точка зрения, согласно которой рассматриваемое абсолютное право определяется только с негативной стороны как возможность требовать от всех окружающих лиц воздержания от сообщения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию¹⁷³. Содержание права на честь, достоинство и деловую репутацию не предусматривает возможности совершения управомоченным лицом каких-либо *активных действий* в отношении своей чести, достоинства и деловой репутации. Не случайно поэтому законодатель воспринял лишь конструкцию правового регулирования *относительных* общественных отношений, возникающих в результате умаления чести, достоинства и деловой репутации. Эти отношения устанавливаются между лицом, чья честь, достоинство или деловая репутация опорочены, и тем, кто распространил сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию.

Содержание же предлагаемого в литературе абсолютного субъективного права на честь, достоинство и деловую репутацию показывает, что соответствующая юридически обеспеченная возможность сводится лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета не распространять не соответствующие действительности сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию. Искусственность такого «негативного» субъективного права под-

¹⁷⁰ Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. С.93.

¹⁷¹ Советское гражданское право. Том 1 / Под ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстого и Б. Б. Черепахина. Л., 1971. С.151.

¹⁷² Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М., 1994. С.27.

¹⁷³ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С.130; Гражданско-правовая охрана интересов личности / Отв. ред. Б. Б. Черепахин. М., 1969. С. 58–61 (автор — Б. Б. Черепахин).

тверждается тем, что на самом деле не существует самостоятельных абсолютных общественных отношений чести, достоинства и деловой репутации, на базе которых можно было бы сформулировать соответствующее субъективное гражданское право абсолютного типа.

Честь, достоинство и деловая репутация страдают не только в результате распространения порочащих сведений, но и при оскорблении лица и других подобных посягательствах. Еще Г. Гроций предлагал производить компенсацию морального вреда за правонарушения в отношении неимущественных прав и благ граждан, в частности, при «причинении ущерба чести и доброму имени, например, нанесением ударов, оскорблением, злословием, проклятием, насмешкой и другими подобными способами»¹⁷⁴. Таким образом, можно говорить о требовании управомоченного ко всем окружающим лицам не совершать оскорбительных и иных подобных действий в отношении него. Однако, такое требование также имеет лишь «негативный» характер, что не позволяет говорить о наличии соответствующего общественного отношения и субъективного права.

Ж. Личным неимущественным правом, с которого и началось формирование учения о личных неимущественных правах и которое традиционно считается субъективным гражданским правом, является *право на имя*. «Право на имя — одно из важнейших личных неимущественных прав, направленных на индивидуализацию личности, с именем связывается вся совокупность представлений о внешних и внутренних качествах его носителя»¹⁷⁵. Это право связано с существованием особого нематериального объекта — имени, которое появляется с момента его регистрации в органах записи актов гражданского состояния. Оно отражает важнейший интерес, состоящий в индивидуализации человека в обществе и объективного отражения его индивидуальности, потребности быть самим собой в представлении сограждан¹⁷⁶.

Среди правомочий права на имя и возможностей, предоставляемых этим правом, в литературе назывались:

1. возможность гражданина приобретать и осуществлять права и обязанности под своим именем¹⁷⁷ или правомочие пользования именем, проявляющееся в возможности гражданина пользоваться своим именем, участвуя во всех общественных отношениях¹⁷⁸;
2. возможность управомоченного требовать от всех окружающих лиц не использовать его имя как свое без его согласия, кроме случаев, установленных законом¹⁷⁹;
3. правомочие по владению именем, состоящее в том, что гражданин обладает определенным именем, закрепленным в официальных документах и зарегистрированным в органе записи актов гражданского состояния¹⁸⁰;
4. возможность требовать от других лиц, чтобы имя при упоминании не искажалось¹⁸¹;
5. возможность требовать от других лиц, чтобы к обладателю права обращались и его называли во всех формальных отношениях своим именем¹⁸²;

¹⁷⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт. с изд. 1956 г. М., 1994. С. 425.

¹⁷⁵ Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. С.43.

¹⁷⁶ Суховерхий В. Л. Личные неимущественные права граждан в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С.15. Ранее об этом писал М. М. Агарков. По его мнению, личным благом, выражением которого служит имя, является социальное обособление индивидуальности (Агарков М. М. Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву памяти Профессора Г. Ф. Шершеневича. М., 1915. С.77).

¹⁷⁷ Гражданское право. Т. 1. Изд. 2-е / Отв. ред. Е. А. Суханов. С.743.

¹⁷⁸ Суховерхий В. Л. Личные неимущественные права граждан в Советском гражданском праве. С. 14–15.

¹⁷⁹ Гражданское право. Т. 1. Изд. 2-е / Отв. ред. Е. А. Суханов. С.743.

¹⁸⁰ Малеина М. Н. Право на имя // Государство и право. 1998. № 5. С.100.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Красавчиков О. А. Охрана интересов личности и Свод законов Советского государства // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР. Свердловск, 1977. С.27.

6. возможность скрывать свое имя, выступая в предусмотренных законом случаях анонимно или под псевдонимом¹⁸³;

7. возможность требовать, чтобы никто не принуждал к перемене имени¹⁸⁴;

8. возможность требовать не использовать имя лица без согласия его носителя¹⁸⁵ (этому правомочию близка возможность запретить в завещании использовать свое имя после смерти)¹⁸⁶;

9. возможность передать свою фамилию кровному или усыновленному ребенку в семье, где каждый из супругов сохранил добрачную фамилию¹⁸⁷;

10. возможность требовать, чтобы при определенных случаях имя лица упоминалось¹⁸⁸;

11. возможность переменить имя¹⁸⁹.

В ст.19 ГК РФ установлено, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. В случаях и в порядке, предусмотренных [законом](#), гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя) (п.1). Гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном [законом](#). Перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем. Гражданин обязан принимать необходимые меры для уведомления своих должников и кредиторов о перемене своего имени и несет риск последствий, вызванных отсутствием у этих лиц сведений о перемене его имени. Гражданин, переименовавшийся, вправе требовать внесения за свой счет соответствующих изменений в документы, оформленные на его прежнее имя (п.2). Имя, полученное гражданином при рождении, а также перемена имени подлежат регистрации в [порядке](#), установленном для регистрации актов гражданского состояния (п.3). Приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается. Имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах (п.4). Вред, причиненный гражданину в результате нарушения его права на имя или псевдоним, подлежит возмещению в соответствии с настоящим [Кодексом](#). При искажении имени гражданина либо при использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, гражданин вправе [требовать опровержения](#), возмещения причиненного ему вреда, а также компенсации морального вреда (п.5).

Содержание указанной статьи показывает, что законодатель по каким-то причинам не учел все существующие научные разработки, связанные с возможными интересами обладателя имени.

Сделано это, по нашему мнению, не случайно. Некоторые из указанных прав имеют не абсолютный, а *относительный* характер. Во-первых, это *правомочие на изменение имени*. Данное правомочие реализуется в относительных правоотношениях с соответствующим государственным органом. Юридическим фактом для возникновения такого правоотношения служит

¹⁸³ Малеина М. Н. Право на имя. С. 102–103.

¹⁸⁴ Там же. С.103.

¹⁸⁵ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С.114; Развитие гражданского права на современном этапе / Под ред. В. П. Мозолина. М., 1986. С.212.

¹⁸⁶ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С.27.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Вывод о существовании этого правомочия можно сделать на основании утверждения М. Н. Малеиной о том, что право на имя нарушается при неупоминании имени (Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С.119).

¹⁸⁹ Малеина М. Н. Право на имя. С.103.

обращение в органы записи актов гражданского состояния с требованием об изменении имени в соответствующих документах при наличии предусмотренных в законе условий. Обязанным лицом в данном случае будет указанный государственный орган, а не все окружающие лица, поскольку *только государственный орган уполномочен на внесение изменений в данные о регистрации имени*. То же самое можно сказать и о *возможности передать свою фамилию кровному или усыновленному ребенку в семье, где каждый из супругов сохранил добрачную фамилию*. Здесь также складываются относительные правоотношения, поскольку обязанным лицом является только соответствующий орган записи актов гражданского состояния. Во-вторых, *относительный характер* имеют и правоотношения, связанные с *возможностью требовать упоминания имени*, поскольку в данном случае имеет место требование *активного поведения от обязанного лица*. Такое требование возможно только в относительных правоотношениях. В рамках абсолютных правоотношений возможна лишь пассивная обязанность всех окружающих управомоченного лица.

Трудно согласиться с позицией, обосновывающей существование *правомочия по владению именем и правомочия пользования именем*. Как отмечалось ранее, категория владения неприменима к нематериальным объектам. Пользуется же гражданин своим именем во всех общественных отношениях, участником которых он становится. Каких-либо самостоятельных общественных отношений по использованию имени, в отличие, например, от отношений по использованию произведения, не возникает.

Возможность требовать от других лиц, чтобы к обладателю права обращались и его называли во всех формальных отношениях своим именем, представляет собой не что иное, как требование не искажать имя управомоченного лица.

Возможность скрывать свое имя, выступая в предусмотренных законом случаях анонимно или под псевдонимом, предполагает свободу лица определять форму обозначения своего произведения: под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или анонимно. Таким образом, имеют место личные неимущественные права автора произведения, которые являются личными неимущественными правами, связанными с имущественными. Мы же рассматриваем личные неимущественные права, не связанные с имущественными. Таким образом, можно признать существование следующих юридически обеспеченных возможностей абсолютного характера, связанных с именем:

1. требовать от окружающих лиц не искажать его имя;
2. требовать не использовать имя лица без его согласия, кроме случаев, предусмотренных законом;
3. требовать от всех окружающих лиц не использовать его имя *как свое* без его согласия, кроме случаев, предусмотренных законом;
4. требовать, чтобы никто не понуждал к перемене имени.

Содержание данных требований показывает, что они имеют сугубо негативный характер. Это обусловлено тем, что не существует такого абсолютного общественного отношения по поводу имени человека, в котором носитель имени совершает в отношении своего имени *активные действия*¹⁹⁰. Принципиальная же невозможность совершения лицом каких-либо действий исключает возможность надления его субъективным правом ввиду отсутствия соот-

¹⁹⁰ Обладатель имени лишь может совершать сделки, по которым разрешает использовать свое имя в той или иной форме, а также совершать иные действия, связанные со своим именем. Так, М. М. Агарков утверждал, что возможны сделки, направленные на разрешение другому лицу пользоваться именем субъекта права (Агарков М. М. Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву памяти профессора Г. Ф. Шершеневича. С. 82–84). А. Бугаевский в качестве допустимой сделки с правом на имя называет соглашение, по которому одно лицо обязуется не подписывать свои произведения своим настоящим именем перед лицом, которое уже использует это имя в качестве псевдонима. Такая сделка, по мнению А. Бугаевского, должна пользоваться охраной со стороны гражданского права, поскольку еще больше способствует надлежащей индивидуализации (Бугаевский А. Защита личности в гражданском праве. Одесса, 1918. С. 8–9).

ветствующего общественного отношения. Таким образом, указанные требования не могут быть охарактеризованы как субъективные права.

При этом данное утверждение не входит в противоречие с ранее сделанным выводом о том, что имя в принципе может выступать объектом общественного отношения. Имя является объектом *других* общественных отношений, связанных с именем, например относительных отношений по изменению имени.

3. Федеральным законом от 18.12.2006 № 231-ФЗ в ГК РФ была дополнительно введена ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина», согласно которой обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен) допускаются только с его согласия. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей. Такое согласие не требуется в случаях, когда:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

3) гражданин позировал за плату.

Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ ст. 152.1 была дополнена п. 2 и 3 следующего содержания:

«2. Изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 настоящей статьи, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации.

3. Если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 настоящей статьи, распространено в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения».

В литературе уже устоялось мнение, что объектом соответствующих отношений является *индивидуальный облик гражданина*.

Так, М. Н. Малеина полагает, что положения об охране изображения гражданина направлены на защиту *индивидуального облика* — нематериального блага, под которым в доктрине понимается неразрывная совокупность наружных признаков человека (внешность, фигура, физические данные, одежда и т. п.), воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа. Соответственно, изображение гражданина представляет собой его индивидуальный облик (образ), запечатленный в какой-либо объективной форме¹⁹¹.

С М. Н. Малеиной солидарен Э. П. Гаврилов. По его мнению, именно внешний облик гражданина является нематериальным благом, принадлежащим гражданину от рождения, неотчуждаемым и не передаваемым иным способом. Внешний облик гражданина можно именовать также индивидуальным образом, внешним видом, он идентифицирует гражданина наряду с иными личными сведениями: именем, датой рождения и др.¹⁹²

В литературе нет однозначного решения вопроса о субъективном гражданском праве, опосредующем соответствующие отношения. Ряд авторов, исследовавших личные неимуще-

¹⁹¹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 124.

¹⁹² См.: Гаврилов Э. П. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.

ственные права граждан, говорят о так называемом праве на индивидуальный облик (вид)¹⁹³. По мнению М. Н. Малеиной, позитивное содержание права на индивидуальный облик состоит из правомочий самостоятельно определять и использовать свой индивидуальный облик, распоряжаться своим изображением. Правомочие самостоятельно определять индивидуальный облик выражается в возможности согласно своим вкусам и интересам без принуждения выбрать, создать, поддерживать, изменять свой индивидуальный облик (вид), в частности путем заключения соответствующих договоров, например договора об оказании парикмахерских услуг¹⁹⁴. Правомочие по использованию индивидуального облика состоит в возможности получать материальные и (или) нематериальные преимущества с помощью своего облика, дать согласие или запретить использовать его другим лицам (в том числе на случай смерти). Это может происходить при изображении гражданина в произведениях изобразительного искусства, на других материальных носителях или путем использования чужого облика людьми-двойниками¹⁹⁵. Право на индивидуальный облик включает также возможность требовать, чтобы изображение управомоченного лица намеренно не искажалось¹⁹⁶.

Хотя М. Н. Малеина наиболее полно отразила все возможные интересы в рассматриваемой сфере, ее позиция имеет и недостатки. Во-первых, возможность получать материальные и (или) нематериальные преимущества с помощью своего облика не является юридически обеспеченной, поскольку ее осуществлению никто не может воспрепятствовать. Во-вторых, М. Н. Малеина объединяет в едином праве правомочия разной юридической природы. По ее мнению, все правомочия, входящие в право на индивидуальный облик, в том числе правомочие запрещать использовать свое изображение, имеют абсолютный характер. Однако обязанным по данному запрету может быть лишь то *конкретное лицо*, которое *создало* произведение с изображением управомоченного. Поэтому здесь складывается *относительное* правоотношение, где в качестве обязанного выступает не всякий и каждый, а определенное лицо. Это исключает возможность включения рассматриваемого правомочия в право на индивидуальный облик наряду с другими правомочиями, носящими *абсолютный* характер.

Об относительном характере отношений, возникающих в данном случае, пишет и Н. Д. Егоров. При этом он указывает на то, что можно говорить об ином праве, которое является абсолютным и которое означает, что никто не вправе изображать гражданина каким бы то ни было способом без его согласия за исключением случаев, прямо предусмотренных законом¹⁹⁷. С Н. Д. Егоровым согласен Э. П. Гаврилов. Он считает, что фиксация внешнего облика гражданина (фото- и видеосъемка, наброски карандашом, живописный портрет и т. п.) также нарушает конституционное право гражданина на его внешний облик¹⁹⁸. Соответствующий запрет закреплен в ст. 307 и 308 ГК Украины. Принципиальное отличие от России заключается в том, что там установлен запрет на съемку без согласия лица.

Однако с утверждением о существовании такого абсолютного права также нельзя согласиться. Закон не запрещает создание того или иного произведения с чьим-либо изображением, например фотографического. Запрет установлен лишь на *публичное распространение уже созданного* произведения с изображением того или иного лица. Невозможно запретить

¹⁹³ См., напр.: Малеина М. Н. Указ. соч. С. 125.

¹⁹⁴ См.: Там же. С. 125.

¹⁹⁵ См.: Там же. С. 128.

¹⁹⁶ Вывод о существовании указанного правомочия следует из утверждения М. Н. Малеиной о том, что нарушением права на индивидуальный облик является намеренное искажение изображения того или иного лица (см.: Малеина М. Н. Указ. соч. С. 133–134).

¹⁹⁷ См.: Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 131.

¹⁹⁸ См.: Гаврилов Э. П. Указ. соч.

рисовать для себя картины, делать любительские фотографии, делать себе дома определенный грим и т. п.

Таким образом, традиционно конструируемое *право на собственное изображение* как право «на запрещение опубликования, воспроизведения и распространения произведения изобразительного искусства с изображением управомоченного лица» носит *относительный* характер, а право же требовать, чтобы управомоченный вообще не изображался каким бы то ни было способом без его согласия, действующим законодательством не предусмотрено.

Из сказанного следует вывод о существовании в рассматриваемой сфере *двух различных* юридически обеспеченных возможностей. Первая предусмотрена ст. 152.1. ГК РФ и предоставляет возможность требования не обнародовать и не использовать изображение управомоченного лица. Такое требование обращено к тому, кто располагает произведением с изображением управомоченного лица, и поэтому имеет *относительный* характер. Вторая юридически обеспеченная возможность носит *абсолютный характер* и предполагает, что управомоченный вправе требовать от всех окружающих лиц невмешательства *в определение им своего внешнего облика*, кроме случаев, предусмотренных законом.

При этом возможность требовать от всех окружающих невмешательства в определение своего внешнего облика предполагает активное поведение управомоченного лица. Иными словами, можно говорить о соответствующем субъективном праве. Позитивное содержание этого права обусловлено тем, что лицо, определяя свой внешний облик, вступает в определенные неимущественные отношения с окружающими его лицами. Таким образом, применительно к индивидуальному облику складываются как относительные, так и абсолютные отношения.

Далее в литературе возник спор: является ли право индивидуальный облик личным неимущественным или имущественным исключительным правом?

По мнению С. П. Гришаева, законодатель поместил данную статью в главу 8 ГК РФ, которая названа «Нематериальные блага и их защита», тем самым указав, что право на собственное изображение рассматривается в качестве нематериального, т. е. не имеющего экономического содержания, блага¹⁹⁹. Право на изображение гражданина — это личное неимущественное право, не имеющее имущественной составляющей²⁰⁰.

Противоположного мнения придерживаются В. Колосов и М. Шварц. Как указывают авторы, в зарубежной литературе говорится о праве контролировать *коммерческое* использование своей индивидуальности (имени, изображения, голоса)²⁰¹. Далее они пишут, что право на изображение — исключительное имущественное право, которое может передаваться на основании как исключительной, так и неисключительной лицензии²⁰². Связано это с тем, что внешность и образ создаются самим лицом и поэтому имеют цену.

Представляется, что у управомоченного лица имеются не только имущественные, но и личные неимущественные интересы относительного своего внешнего облика и изображения. Управомоченное лицо может и не преследовать какой-то выгоды относительно своего изображения, поэтому отрицать личный неимущественный характер данного права было бы неправильным. Также нельзя отрицать и его имущественной составляющей. Таким образом, субъективное право на собственное изображение следует считать личным неимущественным правом, *связанным с имущественным*.

В литературе нет единства мнений и по вопросу самостоятельности личного неимущественного права на собственное изображение.

¹⁹⁹ См.: Гришаев С. П. Право гражданина на изображение // Гражданин и право. 2012. № 9. С. 50.

²⁰⁰ См.: Гаврилов Э. П. Указ. соч.

²⁰¹ См.: Колосов В., Шварц М. Указ. соч. С. 10.

²⁰² См.: Колосов В., Шварц М. Указ. Соч. С. 41.

Как пишут В. Колосов и М. Шварц, неимущественные правомочия входят в состав других прав, а не в состав права на изображение. Правомочие требовать указания себя в качестве изображенного — это право на имя, правомочие на неприкосновенность изображения — это право на честь и достоинство, правомочие определять способы и пределы использования изображения — это право на личную жизнь. Поэтому выделять самостоятельное личное неимущественное право на изображение нет практической необходимости²⁰³. Сходного мнения придерживается В. Ю. Болочагин. Он считает, что это право является производным элементом от более общего права на частную жизнь²⁰⁴.

Противоположную точку зрения высказывает Э. П. Гаврилов. Он отмечает, что внешний облик гражданина и основанное на нем право на изображение гражданина в рамках действующего российского законодательства — это вполне самостоятельное личное неимущественное благо; оно не входит как составная часть в право на неприкосновенность частной жизни²⁰⁵.

Следует согласиться с последней позицией о самостоятельности права на индивидуальный облик. Данное субъективное право имеет собственный объект — индивидуальный облик, и этот объект отличается от частной жизни как объекта соответствующего права.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В рассматриваемой сфере существуют *две различные* юридически обеспеченные возможности. Первая предусмотрена ст. 152.1. ГК РФ и позволяет требовать не обнародовать и не использовать изображение управомоченного лица. Такое требование обращено к тому, кто располагает произведением с изображением управомоченного лица, и поэтому имеет относительный характер. Вторая юридически обеспеченная возможность носит *абсолютный характер* и предполагает, что управомоченный вправе требовать от всех окружающих лиц невмешательства *в определение им* своего внешнего облика, кроме случаев, предусмотренных законом.

И. Ряд авторов, исследовавших личные неимущественные права граждан, говорят о так называемом праве на голос²⁰⁶. Индивидуальность голоса заключается в звуках, произносимых голосовым аппаратом в форме слов, мелодий и в иной форме, которые характеризуются высотой, диапазоном, силой, тембром, интонацией²⁰⁷.

По мнению М. Н. Малеиной, право на голос состоит из правомочий по использованию своего голоса, а также по распоряжению его звукозаписью. Правомочие по использованию заключается в возможности получать материальные и (или) нематериальные преимущества за счет индивидуальности голоса, дать согласие или запретить использовать свой голос другим лицам (в том числе на случай смерти). Гражданин может дать согласие на использование своего голоса в рекламе, эстрадных номерах, путем записи на магнитную ленту, пластинку. Распоряжение записью голоса проявляется в возможности совершать различные сделки по отчуждению звукозаписи, дать согласие на компьютерную обработку записи голоса с целью создания новой версии звукозаписи²⁰⁸.

Хотя М. Н. Малеина наиболее полно отразила все возможные интересы в рассматриваемой сфере, ее позиция имеет и недостатки. Во-первых, возможность получать материальные и (или) нематериальные преимущества с помощью своего голоса не носит характера юридически обеспеченной возможности, поскольку ее осуществлению никто не может воспрепят-

²⁰³ См.: Колосов В., Шварц М. Указ. Соч. С. 44.

²⁰⁴ См.: Болочагин В. Ю. Право на неприкосновенность личного изображения: перспективы гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений // Теоретические аспекты и правоприменительная практика российского законодательства. Курск, 2007. С. 35.

²⁰⁵ См.: Гаврилов Э. П. Указ. соч.

²⁰⁶ См., напр.: Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 124.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 27–28; Ее же. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 131–132.

ствовать. Во-вторых, М. Н. Малеина объединяет в едином праве правомочия разной юридической природы. По ее мнению, все правомочия, входящие в право на голос, в том числе правомочие запрещать использовать свой голос, имеют абсолютный характер. Однако обязанным по данному запрету может быть лишь то *конкретное лицо*, которое сделало запись чужого голоса. Поэтому здесь складывается *относительное* правоотношение, где в качестве обязанного выступает не всякий и каждый, а определенное лицо. Это исключает возможность включения рассматриваемого правомочия в право на голос наряду с другими правомочиями, носящими *абсолютный* характер.

Из сказанного следует вывод о существовании в рассматриваемой сфере юридически обеспеченной возможности *абсолютного характера*, предполагающей, что управомоченный вправе требовать от всех окружающих лиц невмешательства *в определение им* высоты, диапазона, силы, тембра, интонации и других возможных черт своего голоса, кроме случаев, предусмотренных законом.

Эта возможность предполагает активное поведение управомоченного лица. Тем самым можно говорить о соответствующем субъективном праве. Позитивное содержание этого субъективного права обусловлено тем, что лицо, определяя свой голос, вступает в определенные неимущественные отношения с окружающими его лицами.

Й. Одним из общепризнанных личных неимущественных прав является *право на охрану личной (частной) жизни* (ст. 152.2 ГК РФ). Как пишет Л. О. Красавчикова, личная жизнь как объект гражданско-правовой охраны включает в себе как сами реальные явления и отношения частной жизни, так и информацию о ней. В связи с этим различаются и задачи гражданско-правовой охраны. В первом случае они сводятся преимущественно к обеспечению свободы собственного усмотрения в индивидуальной жизнедеятельности, исключению вторжения в личную жизнь; во втором — к недопущению распространения информации о личной жизни гражданина, обеспечению гражданско-правовыми средствами сохранения тайны личной жизни²⁰⁹. В соответствии с этим в структуре права на охрану личной жизни Л. О. Красавчикова выделяет следующие две группы взаимосвязанных правомочий. Первая имеет своей функцией охрану неприкосновенности личной жизни. Это право на неприкосновенность личной жизни, включающее правомочия на неприкосновенность жилища, средств личного общения, личной документации, внешнего облика. Вторая имеет целью осуществление функций охраны тайны личной жизни. Это права на охрану предусмотренных законом тайн²¹⁰.

Нельзя согласиться с тем, что неприкосновенность внешнего облика можно считать правомочием права на неприкосновенность личной жизни. Данное правомочие не связано с той или иной информацией о частной жизни, что характерно для прав на неприкосновенность жилища, средств личного общения и личной документации, и потому не может входить наряду с этими правомочиями в право на неприкосновенность частной жизни²¹¹. Такой точки зрения придерживается и М. Н. Малеина, которая не включает данное правомочие в содержание права на неприкосновенность частной жизни. Вместе с тем, по ее мнению, в содержание права на неприкосновенность частной жизни, помимо указанных прав на неприкосновенность жилища, средств личного общения и личной документации, входит другое правомочие — на неприкосновенность личной свободы²¹². Содержание последнего составляют правомочия самостоятельно определять свое поведение, место жительства, пребывания, нахождения, способ и

²⁰⁹ Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С.19.

²¹⁰ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С.169.

²¹¹ Содержание права на неприкосновенность внешнего облика рассматривалось выше.

²¹² Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 31–32.

время перемещения и передвижения, а также правомочие требовать от третьих лиц не ограничивать личную свободу²¹³.

Трудно согласиться с мнением М. Н. Малеиной в части права на неприкосновенность личной свободы. Правомочие «определять свое поведение» представляет собой не что иное, как правомочие «на свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей», о неприемлимости конструирования которого уже говорилось. Если же рассматривать оставшиеся правомочия в рамках права на неприкосновенность личной свободы (определять место жительства, пребывания, нахождения, способ и время перемещения и передвижения), то они полностью охватываются правом на свободу передвижения, которое традиционно признается в качестве самостоятельного права²¹⁴.

Перейдем к правам на *неприкосновенность жилища, средств личного общения и личной документации*.

К. Как и другие личные неимущественные права, *право на неприкосновенность жилища* конструируется в литературе как негативно, так и позитивно.

По мнению М. Н. Малеиной, определяющей это право позитивно, право на неприкосновенность жилища включает в себя правомочие определять режим в своем жилище, правила приема и поведения гостей и правомочие по принятию мер, ограничивающих проникновение в жилище. Последнее правомочие реализуется путем заключения договоров об охране домовладения, проведения сигнализации, установке второй двери и др., а также путем принятия мер самозащиты²¹⁵. Однако установлению неких правил поведения в жилище невозможно каким-либо образом помешать, поэтому указанная возможность не может являться субъективным правом или правомочием в рамках субъективного права. Правомочие по принятию мер, ограничивающих проникновение в жилище, в трактовке М. Н. Малеиной представляет собой не что иное, как возможность вступать в соответствующие договоры, что охватывается понятием правоспособности, а не субъективного права.

По мнению Л. О. Красавчиковой, также определяющей это право позитивно, право на неприкосновенность жилища — это личное неимущественное право гражданина на свободу определения своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, исключаящую какое-либо вмешательство в его личную жизнь со стороны других лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных законом²¹⁶. Однако, аналогичным образом Л. О. Красавчикова определяет и право на личную свободу²¹⁷, поэтому не понятно, как автор разграничивает данные права.

В связи с этим более правильно говорить о том, что соответствующую возможность можно определить лишь негативно как возможность управомоченного лица требовать устранения любых обстоятельств, нарушающих неприкосновенность его жилища, кроме случаев, предусмотренных законом²¹⁸. Это обусловлено тем, что управомоченное лицо и в данном случае не может совершать какие-либо действия в отношении такого блага, как неприкосновенность жилища. Именно поэтому исключены как возможность существования личного неимущественного отношения по поводу неприкосновенности жилища, так и возможность существования личного неимущественного права на неприкосновенность жилища.

Л. Мнения о *праве на неприкосновенность средств личного общения* в литературе разделились. Так, Л. О. Красавчикова определяет содержание права на неприкосновенность средств

²¹³ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 185–186.

²¹⁴ Право на свободу передвижения будет рассматриваться далее.

²¹⁵ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 191.

²¹⁶ Советское гражданское право. Т. 1. Изд. 3-е / Под ред. О. А. Красавчикова. С. 195.

²¹⁷ См. выше.

²¹⁸ Гражданское право. Т. 1. Изд. 2-е / Отв. ред. Е. А. Суханов. С. 746–747.

личного общения лишь негативно: никто не может знакомиться с личными письмами и другими средствами общения без согласия гражданина, кроме случаев, установленных законом²¹⁹.

По мнению М. Н. Малеиной, неприкосновенность переговоров и сообщений личного характера имеет позитивный характер и означает автономное решение управомоченным вопросов об их содержании и судьбе²²⁰. Содержание права на неприкосновенность телеграфных и иных сообщений включает правомочие гражданина требовать запрета искажения текста со стороны субъекта, предоставляющего телеграфные услуги, а также правомочие требовать возврата незаконно удерживаемых, изъятых текстов сообщений от любых лиц. Содержание права на неприкосновенность телефонных переговоров состоит из правомочия требовать запрета вмешательства в разговор путем комментариев, добавлений, специально создаваемых шумов, искажающих или заглушающих разговор, или путем досрочного прекращения разговора перерывом связи со стороны субъекта, обеспечивающего телефонные услуги²²¹.

Однако правомочие гражданина требовать запрета искажения текста со стороны субъекта, предоставляющего телеграфные услуги, охватывается требованием качественного оказания этих услуг, которое имеет относительный характер. Правомочие требовать возврата незаконно удерживаемых и изъятых текстов сообщений у любых лиц относится уже к мерам защиты права на неприкосновенность. В случае телефонных переговоров автономное решение вопросов об их содержании охватывается другим правом — *правом на свободу слова*. Поэтому можно говорить лишь о свободе определения содержания личных писем, телеграмм и других средств личного общения, существующих в документальной форме. Содержание этого права показывает, что оно предполагает активное поведение управомоченного лица. Это обусловлено тем, что в данном случае лицо, совершая активные действия по составлению личных документов, вступает в неимущественное общественное отношение со всеми окружающими его лицами, что и позволяет урегулировать данное общественное отношение посредством надления этого лица соответствующим субъективным правом.

М. Мнения о *праве на неприкосновенность личной документации*, которое близко сопрягается с правом на неприкосновенность средств личного общения, в литературе также разделились. Например, Н. Д. Егоров определяет право на неприкосновенность личной документации лишь с негативной стороны. По его мнению, это право предоставляет управомоченному лицу юридически обеспеченную возможность требовать от всех окружающих лиц «воздерживаться от получения информации, содержащейся в личной документации данного гражданина. С данной информацией можно ознакомиться, по общему правилу, лишь с согласия граждан, которым принадлежит эта документация, за исключением случаев, специально предусмотренных законом»²²².

По мнению Л. О. Красавчиковой, это право может быть определено позитивно, как такое личное неимущественное право, по которому каждый гражданин обладает свободой создания, ведения, использования и распоряжения своей частной документацией по своему усмотрению, исключаяющей какое-либо вмешательство в указанную документацию со стороны третьих лиц помимо его воли, за исключением случаев, предусмотренных законом²²³.

²¹⁹ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 172–173.

²²⁰ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 193.

²²¹ Там же. С. 194.

²²² Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С. 134.

²²³ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 181.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.